АПОЛОГІЯ

ХРИСТІАНЪ СТАРООБРЯДЦЕВЪ

ИЛИ

РАЗСМОТРѢНІЕ И ОПРОВЕРЖЕНІЕ ОБВИНЕНІЙ, ВОЗВОДИМЫХЪ НА СТАРООБРЯДЧЕСТВО ДУХОВНО-ГОСПОДСТВУЮЩЕЮ ЛИТЕРАТУРОЙ.

Пожертвовано въ собранiе Книгъ Рогожскаго Кладбища, Напамятъ Ивана Ивановича Шебаева

РК П1г / А-76

2-экз.

Въ премудрости ходите ко внѣшнимъ, время искупующе, т. е. со внѣшними обходитесь благоразумно, пользуясь временемъ. Колос. 4-5.

Не пора ли и безправному старообрядчеству выступить со своею защитою отъ направленныхъ противъ него обвиненій? Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1881 года почему то съ особеннымъ усердіемъ братчики, такъ называемаго „Братства св. Петра Митрополита", стали распространять весьма загадочное извѣстіе о появленіи сочиненія особаго рода какой то оффиціальной брошюры, изданной будтобы въ С. Петербургѣ, и во многочисленныхъ экземплярахъ присланной въ нашу первопрестольную столицу. Извѣстіе это не заставило долго ждать себя. Въ открытой названнымъ „Братствомъ" книжной лавкѣ, дѣйствительно въ концѣ Іюля мѣсяца, открылась продажа оповѣщаннаго сочиненія. Это брошюра (на

52 страницахъ), напечатанная, по распоряженію Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, въ С. Петербургской синодальной типографіи подъ заглавіемъ: О сущности и значеніи раскола въ Россіи. Сочинитель этой брошюры значится въ концѣ ея подъ литерами „Н. С.", т. е. Николай Субботинъ, братчикъ-секретарь „православнаго братства, имѣющаго цѣлью - посильное служеніе церкви примиреніемъ съ нею именующихся старообрядцевъ, черезъ посредство мирнаго и безпристрастнаго разъясненія пререкаемыхъ ими истинъ православія".(1) Можно подумать, что это „Братство", нѣсколько лѣтъ назадъ, хотѣло служить церкви „примиреніемъ съ нею старообрядцевъ", - какъ бы по назначенію главы церкви, рекшаго: се Азъ посылаю васъ, яко овцы по средѣ волковъ, (Матѳ. 10, 16). Но увы!

(1) См. Записки объ учрежденіи и первоначальной дѣятельности Братства св. Петра Митрополита, стр. 1, составленныя секретаремъ Братства Н. Субботинымъ, и читанныя имъ-же въ общемъ собраніи членовъ братства, происходившемъ 21го Декабря 1872 года, въ день его-

передъ нами брошюра совсѣмъ противо-положнаго свойства, впрочемъ давно намъ извѣстнаго по редактору покойнаго Братскаго слова. Если-бы братчикъ-секретарь „примиряющаго" братства, хотѣлъ написать что нибудь съ особеннымъ намѣреніемъ возстановить противъ себя и братства старообрядцевъ, то ничего лучше этой брошюры написать не могъ: такъ она противна и оскорбительна религіозному и патріотическому чувству милліоновъ русскихъ людей, испытанныхъ въ вѣрности и преданности престолу и отечеству.

Оставить безъ отвѣта эту брошюру, исполненную крайней нетерпимости и несправедливыхъ обвиненій противъ старообрядчества, нельзя. Изложимъ наши возраженія противъ важнѣйшихъ изъ этихъ обвиненій въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ въ самой брошюрѣ.

торжественнаго открытія.

I.

На первыхъ 6^{ти} страницахъ сочинитель, по видимому, хотѣлъ опредѣлить рѣшеніе возбужденнаго въ настоящее время вопроса „о распечатаніи алтарей въ часовняхъ Рогожскаго кладбища", и, вмѣстѣ съ тѣмъ „о предоставленіи расколу, извѣстному подъ именемъ старообрядчества, полной религіозной свободы въ качествѣ дозволенной правительствомъ религіи". „Вопросъ чрезвычайной важности!"-восклицаетъ авторъ, -„для православной русской церкви, по тѣсной живой связи между ними, для православнаго русскаго народа и государства." (стр. 2-3). Какъ именно и кому предоставляетъ онъ рѣшеніе этого вопроса, понять трудно по причинѣ крайней запутанности изложенія. Какое именно значеніе имѣетъ этотъ вопросъ „для православной русской церкви, и для православнаго русскаго народа и государства", и что такое по тѣсной живой

связи между ними"? Развѣ русское государство состоитъ исключительно изъ православныхъ? Мы полагаемъ, что вопросъ, имѣющій государственный характеръ, разсматривается съ государственной точки зрѣнія, а церковный - съ церковной. Казалось, что достаточно было-бы сказать: „вопросъ чрезвычайной важности для православной русской церкви." Но нѣтъ, авторъ прибавилъ еще: „и для православнаго русскаго народа и государства." Развѣ православный русскій народъ не церковь? Или уже не стало въ Россіи православной народной церкви? Но если существуетъ православное русское духовенство и православный русскій народъ, то значитъ существуетъ въ Россіи и православная народная церковь, ибо церковь есть совокупность духовенства и народа, соединенныхъ союзомъ вѣры между собою, но конечно, не по доктринамъ клерикально бюрократическимъ, а по ученію христіанскому: „общество вѣрующихъ" есть церковь (1)

(1) См. Катихизисъ большой старопечатный гл. 25, Дѣян. гл. 15. ст. 22.

Не безъ цѣли эне допускаетъ авторъ нѣсколько разъ въ своей брошюрѣ подраздѣленіе „православная русская церковь" и „православный русскій народъ" (стр. 3, 15, 36, 50, 51,). Изъ сего подраздѣленія выходитъ, что церковь теперь олицетворяется не въ народѣ совокупно съ духовенствомъ, а лишь въ одномъ клирѣ — въ духовномъ сановничествѣ и чиновничествѣ. Такъ по крайней мѣрѣ выходитъ изъ разсужденій автора. А слѣдовательно и рѣшеніе возбужденнаго имъ вопроса о правахъ старообрядчества, предоставляется подъ именемъ „православной церкви", духовному начальству. Но вѣдь духовное начальство еще не духовенство, а духовенство — не церковь. Подтвержденіемъ такихъ болѣе чѣмъ странныхъ и вредныхъ для церкви воззрѣній сочинителя брошюры служатъ слѣдующія разсужденія его:

„Чтобы вопросъ этотъ рѣшонъ былъ въ смыслѣ положительномъ, чтобы за лицами раскольническаго духовенства были признаны священные саны, (какъ признаются наприм. и глав. 20, ст. 28; Ефес. гл. 1, ст. 22-23; гл. 2, ст. 20-22; и гл. 4, ст. 5, 6, 11-12; 1 Корин. гл. 12 ст. 27-28.

за духовными лицами нѣкоторыхъ инославныхъ исповѣданій, сохранившихъ у себя непрерывную преемственность апостольскаго рукоположенія,(1) чтобы вмѣстѣ съ симъ раскольническому духовенству была предоставлена законнымъ порядкомъ полная свобода открытаго совершенія ихъ религіозныхъ дѣйствій, всего этого никакъ не можетъ допустить православная церковь по своимъ догматическимъ и каноническимъ началамъ и по требованію лежащаго на ней долга ограждать православіе отъ притязаній раскола пресѣченіемъ для послѣдняго способовъ удобнаго дѣйствованія на православный народъ, заботиться о возстановленіи и сохраненіи въ русскомъ народѣ исконнаго единства вѣры, служащаго залогомъ свободнаго (?) и искренняго (?) единенія

---

(1). Надобно полагать, что говорится здѣсь о духовныхъ лицахъ Римско-Католическаго и греко-уніатскаго исповѣданія и другихъ наприм. армяно-григоріанскаго, „сохранившихъ у себя непрерывную преемственность апостольскаго рукоположенія". Но сказать тоже самое о духовныхъ лицахъ разныхъ протестанскихъ исповѣданій, едва ли авторъ отважится.

его не только подъ кровомъ единой православной церкви, но и подъ скипетромъ единаго православнаго царя", (стр. 3). Какой оригинальный выводъ клерикала-сочинителя! Да развѣ, спросимъ мы въ свою очередь не возможно быть „русскому народу подъ скипетромъ единаго православнаго царя" иначе какъ „подъ кровомъ единой православной церкви"? Если такъ старается думать авторъ, то что-же дѣлать съ русскими диссидентами „(разномыслящими исповѣданіями), которые числятся однако теперь милліонами? Вѣдь они какъ и всѣ вѣрные сыны отечества находятся также подъ скипетромъ единаго русскаго царя, хотя и не подъ кровомъ единой православной церкви. Вѣдь всѣмъ, находящимся подъ скипетромъ единаго русскаго царя, иновѣрцамъ какъ то: армянамъ, католикамъ, протестантамъ разныхъ сектъ и новѣйшимъ баптистамъ, евреямъ, магометанамъ и даже идолопоклонникамъ предоставлена въ Россіи <u>законнымъ</u> порядкомъ полная свобода открытаго совершенія ихъ религіозныхъ дѣйствій. Отчего же однимъ только старообрядцамъ,

кореннымъ русскимъ людямъ по духу и крови, всего этого „никакъ не можетъ допустить православная церковь", „да еще по своимъ (т.е созданнымъ авторомъ) догматическимъ и каноническимъ началамъ"?.. Вотъ вопросъ, съ которымъ никакъ не справится нашъ противникъ религiозной свободы. Правда, православная церковь, или вѣрнѣе духовенство, которое онъ приравниваетъ господствующей въ Россiи Церкви, всемѣрно старается о недопущенiи старообрядцамъ открытаго совершенiя ихъ религiозныхъ дѣйствiй, тогда какъ въ тоже время, т.е. въ 1881г. правительство разрѣшило же московскимъ старообрядцамъ и ихъ духовенству самымъ торжественнымъ образомъ принести вѣрноподданническую присягу въ часовняхъ Рогожскаго кладбища, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволило имъ открыто совершать богослуженiе въ этихъ же храмахъ, хотя и при запечатанныхъ еще алтаряхъ.

Но возглашая такъ несвоевременно о томъ, что православная церковь „никакъ не можетъ допустить того, что

бы раскольникамъ и раскольническому духовенству была предоставлена законнымъ порядкомъ полная свобода открытаго совершенія ихъ религіозныхъ дѣйствій", нашъ усмѣхливый кому то сочинитель, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ рѣшительное противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, съ одной стороны онъ, отрицая за старообрядчествомъ право на свободное отправленіе его религіозныхъ дѣйствій, не допускаетъ для русскаго народа „полной религіозной свободы", а съ другой стороны „заботится о возстановленіи и сохраненіи въ русскомъ народѣ исконнаго единства вѣры, служащаго залогомъ свободнаго и искренняго единенія"... Да что-же это такое? Не явное ли уже ничѣмъ не прикрытое противорѣчіе и возвѣщеніе началъ совершенно не свойственныхъ духу православной церкви, которую нашъ бюрократъ старается такъ неловко оградить отъ приражений раскола.

II.

На стр. 3, 4 и 5 авторъ брошюры старается „разсмотрѣть собственно то: не должна ли дать положительное рѣшеніе вопроса, о дарованіи полныхъ религіозныхъ правъ расколу, государственная власть, исходя изъ своихъ началъ и соображеній, независимо отъ началъ и интерессовъ собственно церковныхъ." Но оговаривается: „какъ православный русскій человѣкъ..., будучи живымъ членомъ православной русской церкви и русскаго государства..., онъ не можетъ представить, чтобы рѣшеніе вопросовъ даже чисто государственныхъ и гражданскихъ могло происходить въ совершенной независимости, въ полномъ разобщеніи отъ началъ и интерессовъ церкви, съ которыми интерессы общества и государства имѣютъ неразрывную связь."... Что же дѣлать съ этой вереницей неразрывныхъ

связей, началъ, интересовъ, вопросовъ о вопросѣ"? Вотъ что, отвѣчаетъ на это самъ сочинитель: „Если же внѣ всякаго влiянiя христiанскихъ началъ и идей, истинной хранительницей и истолковательницей которыхъ служитъ православная церковь, не возможно вполнѣ правильное законодательное рѣшенiе вопросовъ, имѣющихъ по-видимому исключительно гражданскiй или государственный характеръ, то возможно ли оно въ вопросѣ, ближайшимъ образомъ касающемся церкви, имѣющемъ по преимуществу церковный характеръ, каковъ именно вопросъ о признанiи за лицами раскольническаго духовенства или себѣ присвоенныхъ духовныхъ сановъ, или о признанiи за расколомъ всѣхъ правъ дозволенной религiи? И если православная церковь на основанiи своихъ догматическихъ и каноническихъ началъ не можетъ дать положительного отвѣта на этотъ вопросъ, то можетъ-ли въ явную противность ей допустить именно такое его рѣшенiе православно-русская государственная власть (стр. 4-5)?

Какіе термины подставляются здѣсь авторомъ: не просто „русская", а „православно-русская государственная власть"! Да развѣ не входили, со временъ Петра Великаго, и не входятъ теперь въ личный составъ государственной власти сановники инославныхъ исповѣданій? Вотъ до какого доктринаризма доучился профессоръ, авторъ брошюры. По его церковно-чиновничьему доктринаризму должно вѣровать, что ключъ разумѣнія „христіанскихъ началъ и идей" въ рукахъ православной церкви, а православная церковь, какъ мы видѣли, понимается имъ лишь въ смыслѣ церковнаго клира, что она одна „служитъ истинной хранительницей и истолковательницей" этихъ „началъ и идей", что если она своимъ ключемъ не отверзетъ двери разумѣнія ихъ, то уже „невозможно вполнѣ правильное <u>законодательное</u> рѣшеніе вопросовъ", не только „церковныхъ, но и чисто гражданскихъ — даже государственныхъ"! А что это за <u>догматическія и каноническія начала</u>, на основаніи которыхъ православная церковь <u>не можетъ дать положительнаго отвѣта</u>, на поставленный вопросъ, осторожный

авторъ-богословъ предусмотрительно умалчиваетъ. Мы же, не будучи учеными богословами, хорошо знаемъ христіанское начало, которое гласитъ: „Будьте готовы присно къ отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи (1. Петр. гл. 3, ст. 15; тоже Колос. гл. 4, ст. 6.) Не можетъ дать отвѣта только безжизненный трупъ, къ которому авторъ въ пылу своего краснорѣчія приравнялъ православную церковь, по его ученію совершенно безсильную и безотвѣтную вслѣдствіе навязанныхъ ей какихъ то новыхъ, никому невѣдомыхъ догматическихъ и каноническихъ началъ. Какое съ его стороны дерзновенное приниженіе достоинства церкви! Поставляя свой вопросъ, авторъ до такой степени запуталъ его, что для разъясненія сущности дѣла необходимо раздѣлить его на двѣ части, т. е., на два вопроса: одинъ — „о признаніи за лицами раскольническаго духовенства или себѣ присвоенныхъ духовныхъ сановъ", другой — „о признаніи за расколомъ всѣхъ правъ дозволенной религіи". Чтобы не говорилъ авторъ о безсиліи православной церкви дать положи-

тельный отвѣтъ, мы думаемъ однако, что она, на основаніи именно своихъ, а не авторомъ измышленныхъ, догматическихъ и канонических началъ, можетъ дать такой отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, на первый изъ этихъ вопросовъ:

а.) По вопросу о томъ, признаетъ, или не признаетъ церковь за лицами старообрядческаго духовенства священные саны, заимствованные отъ православной іерархіи, намъ, какъ и автору брошюры извѣстно о примиреніи съ старообрядчествомъ извѣстнаго Греческаго Митрополита Амвросія, котораго старообрядцы, разумѣется, пріемлющіе священство, на основаніи вѣрованія своего въ непрерывную преемственность апостольскаго рукоположенія, признали своимъ независимымъ архипастыремъ; намъ извѣстно также, что экзархъ болгарскій Анфимъ, вслѣдствіе объявленія независимости болгарскаго экзархата былъ отлученъ отъ церкви Константинопольскимъ соборомъ 1872 года, и со всѣмъ болгарскимъ духовенствомъ объявленъ лишеннымъ права не только священнодѣйствовать, но и преподовать благословеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и вся бол-

гарская церковь объявлена схизмою. И что же? Эти самые схизматики-раскольники-болгары, еще такъ недавно преданные анаѳемѣ, пользуются теперь въ образованномъ христіанскомъ мірѣ всеми правами дозволенной религіи, т.е., человѣческими правами, купленными кровью многихъ тысячъ русскихъ сыновъ.

б,) Права старообрядческаго духовенства на священные саны могутъ быть признаны за ними православною церковью точно также, какъ она признаетъ ихъ за лицами римско-католическаго духовенства, не смотря на то, что уже въ XI столѣтіи послѣдовало совершенное отдѣленіе западной церкви отъ восточной, сопровождаемое взаимными проклятіями и анаѳемой, что западная церковь объявила и объявляетъ восточную схизмою, и наоборотъ восточная церковь объявила и объявляетъ западную еретическою.

в,) Если православная церковь не признаетъ за лицами старообрядческаго духовенства права на священные саны, то спрашивается: какъ не признаетъ она ихъ? Такъ ли, какъ не признается, напримѣръ, за духовными лицами нѣкоторыхъ ино-

славныхъ исповѣданій – лютеранъ, реформаторовъ и проч., въ половинѣ XVI столѣтія анаѳематствованныхъ, но тѣмъ не менѣе, присвоившихъ себѣ духовные саны внѣ священнаго рукоположенія, т. е. на началахъ отрицанія преемственности апостольскаго рукоположенія? Развѣ господствующая въ Россіи православная церковь, или точнѣе духовная власть этой церкви, т. е. Святѣйшій Правительствующій Синодъ, – безсиленъ дать положительный отвѣтъ на поставленный вопросъ, хотя бы и въ слѣдующемъ смыслѣ: Старообрядческіе-молъ епископы и попы, хотя и вѣруютъ въ непрерывную преемственность свою отъ апостольскаго рукоположенія, однако, вслѣдствіе отступленія своего отъ православной церкви признаются священнодѣйствующими самопроизвольно, подобно болгарскимъ схизматическимъ епископамъ и попамъ, лишеннымъ права на священнодѣйствіе, того ради они, по оригинальному выраженію сочинителя, „осуждаются какъ міряне, дерзающіе на священнодѣйствіе" „хуже безпоповскихъ отцовъ",

даже „горше тѣхъ бѣсовъ, которые преобразуются въ свѣтлыхъ ангеловъ". (Стр. 20, 23, 24 и 25) А слѣдовательно за таковыми „раскольническими епископами и попами" священные саны не могутъ быть признаны также, какъ они не признаются напр. за лютеранскими, реформаторскими и прочими протестантскими пасторами, не имѣющими на себѣ священнаго рукоположенія, и потому, неимѣющими права на священнодѣйствіе, и дерзающими священнодѣйствовать, даже совершать литургію, на началахъ отрицанія преемственности апостольскаго рукоположенія. Развѣ это не составляло-бы положительнаго отвѣта на вопросъ? Развѣ онъ не соотвѣтствовалъ-бы требованіямъ и направленію официозной брошюры? Но вотъ бѣда: изрекая въ приведенномъ смыслѣ свой приговоръ надъ старообрядчествомъ, сочинитель долженъ-бы былъ подвергнуть секвестру вмѣстѣ съ нимъ и лютеранскихъ и реформаторскихъ пасторовъ, которые также должны быть для него хуже безпоповскихъ отцовъ и даже горше бѣсовъ...

И это ли по логикѣ ученой брошюры „не значитъ идти противъ просвѣщенныхъ стремленій нашего вѣка" (стр. 52)?

Что касается до второй части вопроса — „о признаніи за расколомъ всѣхъ правъ дозволенной религіи", то здѣсь прежде всего спрашивается: кѣмъ дозволенными?.. отвѣтъ: разумѣется не церковью, а правительствомъ, т. е. государственною свѣтскою властью. Очевидно, стало быть, что такой отвѣтъ выходилъ бы изъ компетенціи православной церкви, согласно евангельскому началу: царство мое не отъ міра сего (Іоан. 18-36). Дозволять какіе бы то ни было анаѳематствованные расколы, и всякія анаѳематствованныя инославныя религіи, православная церковь, на основаніи своихъ догматическихъ и каноническихъ началъ, не можетъ. Зачѣмъ же тогда противники свободы старообрядчества вводятъ въ область правъ церкви, такой вопросъ, на который она, по ихъ же словамъ, „дать положительнаго отвѣта не можетъ". Еще страннѣе та мысль автора, будто-бы и государственная

власть, не получа ответа отъ церкви, так-же не можетъ допустить рѣшеніе вопроса въ положительномъ смыслѣ, т. е. допустить не-зависимо отъ церкви въ отношеніи къ старо-обрядцамъ то, что уже давно правитель-ствомъ, гражданскими, а не церковными законами допущено въ нашемъ отечествѣ, въ отношеніи къ инославнымъ исповѣда-ніямъ: латинянамъ, армянамъ, лютера-намъ, Кальвинистамъ = реформаторамъ, и недавно возникшимъ баптистамъ, не исключая даже жидовъ, магометанъ и идолопоклонниковъ, пользующихся у насъ всѣми правами дозволенныхъ законом религій. Опять таки всѣмъ перечисленным исповѣданіямъ право свободно совершать религіозныя дѣйствія даровано не цер-ковью и не православнымъ духовенствомъ, а свѣтскою правительственною властью, отъ которой и старообрядцы могутъ ожидать такого же разрѣшенія).

III.

На страницѣ 5-6 сочинитель бюрократъ разсуждаетъ, или точнѣе доноситъ, - что „такое именно рѣшеніе вопроса государственною властью признаютъ и гласно объявляютъ нѣкоторые вполнѣ возможнымъ и желательнымъ, даже единственно правильнымъ и законнымъ. Понятно, что такъ судятъ о дѣлѣ тѣ, къ сожалѣнію расплодившіеся въ наше время мнимо-интеллигентные люди, которые, называясь русскими и оффиціально числясь принадлежащими къ православной церкви, относятся ко всѣмъ религіямъ равнодушно, или даже враждебно, и всякую церковь, а православную въ особенности, признаютъ фальшивымъ и вреднымъ учрежденіемъ, а затѣмъ, отчасти уже вслѣдствіе этого самаго, признаютъ ненормальнымъ и существующее государственное устройство" (стр. 5). Какъ? и такіе то люди, по мнѣнію автора, расплодились въ лонѣ православія? ... И эти-то люди, называясь русскими и оффиціально числясь принадлежащими къ православной церкви, признаютъ самую эту церковь „фальшивымъ и вреднымъ учрежденіемъ"! Непостижимо. Но почему же это

такъ? авторъ съ свойственною ему уклончивостью не объясняетъ. Не потому ли, подскажемъ мы ему съ своей стороны, что духовенство православной церкви, духовенство низшее, съ вѣдома высшаго, изъ своекорыстныхъ разсчетовъ, ведетъ церковныя дѣла фальшиво, и для государственнаго порядка вредно. А именно: оно требуетъ отъ этихъ, мимо-интеллигентныхъ людей, чтобы они, вопреки своихъ убѣжденій, принадлежали оффиціально не къ какому либо иному исповѣданію, а непремѣнно къ православной церкви, и въ удовлетвореніи этого требованія платили бы духовенству двойныя и тройныя подати, какъ невольники, прикрѣпленные къ православному клиру. И вотъ, благодаря этимъ многочисленнымъ поборамъ, огромныя массы такихъ людей и значатся по церковнымъ росписямъ, т.е. на бумагѣ, а не на дѣлѣ принадлежащими къ православной церкви. Кто-же тутъ виноватъ съ точки зрѣнія православной церкви: та ли масса людей, которая по движенію автора, стоитъ за „свободу и равноправность въ государствѣ всѣхъ религій", или приравниваемое авторомъ православной церкви духовенство, руководствующееся въ дѣлахъ вѣры цѣлями

своекорыстнаго свойства. Всего же изумительнѣе для насъ въ этой длинной спутанной авторомъ цѣпи вопросовъ, соображеній, изобличеній и т. д. то, что онъ принадлежа къ ученому духовенству православной церкви, возстаетъ противъ свободы вѣроисповѣданій между прочимъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не принизить церкви предъ расколомъ. Какъ? Неужели по мнѣнію автора, православная церковь настолько внутренне слаба, что одно допущеніе правительствомъ свободы и равноправности всѣхъ религій могло бы послужить причиною приниженія церкви и православія передъ расколомъ? Да еще какимъ расколомъ? Тѣмъ невѣжественнымъ расколомъ, который не насчитываетъ въ средѣ своей по исчисленію автора и 2-хъ милліоновъ послѣдователей. Какое невѣроятное по своей нелѣпости и оскорбительное для достоинства господствующей церкви заключеніе одного изъ видныхъ представителей православнаго духовенства! Да гдѣ же вѣра его въ непоколебимость единственно вѣрныхъ догматическихъ и каноническихъ началъ исповѣдуемой имъ религіи, которой по словамъ Св. Писанія, даже врата адовы не одолѣютъ. „Но примѣчательно, продолжаетъ далѣе запутавшійся въ своихъ чиновничьихъ

воззрѣніямъ сочинителя брошюры, что къ такому рѣшенію вопроса, т. е. въ пользу свободы совѣсти, и склоняются люди, которыхъ преданность престолу и отечеству выше всякаго сомнѣнія; которые повидимому съ уваженіемъ относятся къ православной церкви и чужды желанія противодѣйствовать ея успѣхамъ и преуспѣянію" (стр. 5). Да, и слава богу, что еще есть въ средѣ господствующей церкви и ея духовенства такіе, вѣрующіе въ святость и крѣпость исповѣдуемой ими религіи, для которыхъ чужда мысль о безсиліи церкви передъ иными исповѣданіями. Слава богу, что есть въ средѣ православнаго населенія Россіи милліоны людей, которые видятъ благо своего отечества не въ насильственной канцелярской приискѣ ихъ къ послѣдователямъ господствующей церкви, а въ полной свободѣ и равноправности всѣхъ исповѣданій и которые охраненіе вѣры христіанской полагаютъ не въ отождествленіи церкви духовенству и предоставленіи ему права злоупотреблять дарованною ему властью, въ явный ущербъ самой церкви, а въ очищеніи ея отъ недостойныхъ мірскихъ поползновеній чиновниковъ-клерикаловъ.

IV.

Слѣдующія стран. (6-9) Субботинской брошюры поражаютъ читателя крайней неразборчивостію употребляемыхъ авторомъ способовъ доказательствъ, сообщеніемъ заземо невѣрныхъ фактовъ и представленіемъ умышленно невѣрныхъ объясненій ихъ. Благоразумно воздерживаясь отъ „замѣчаній противъ правительственной власти, которая сама независимо отъ власти православно-церковной" предоставила свободу иновѣрнымъ религіямъ и инославнымъ исповѣданіямъ въ Россіи, (въ угоду кому-то онъ высказываетъ поползновеніе возражать и противъ этой свободы), онъ ставитъ на очередь важнѣйшій вопросъ о томъ, нужно ли распространять дѣйствіе „того закона" и на русскихъ раскольниковъ, называемыхъ старообрядцами?" „т. е. расколъ, называемый старообрядчествомъ, долженъ ли быть внесенъ въ разрядъ существующихъ въ Россіи и признанныхъ законом иновѣрческихъ религій," (Стр. 7) или нѣтъ. Здѣсь одно изъ доказательствъ автора противъ рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ состоитъ между прочимъ въ томъ, что раскольниковъ въ дѣйствительности вовсе не такъ

многого, какъ обыкновенно думаютъ. Если, говоритъ онъ, въ правительственныхъ сферахъ (?) и утвердилось мнѣніе „о громадномъ свыше 15 милліономъ количествѣ русскихъ раскольниковъ, то образованію и утвержденію этого ошибочнаго мнѣнія способствовали съ одной стороны показанія чиновниковъ, спеціально занимавшихся нѣкогда по порученію правительства исчисленіемъ раскольниковъ и неизвѣстно по какимъ соображеніямъ употреблявшихъ для этого невѣрные, несоотвѣтствующіе цѣли способы и пріемы; съ другой — распространяемые самими раскольниками въ своемъ личномъ интересѣ толки о громадной будто-бы ихъ численности, долженствующей внушить къ нимъ уваженіе" (стр. 7). Авторъ и тутъ не утерпѣлъ, чтобы не заподозрить дѣйствія правительственныхъ чиновниковъ, будто-бы съ умысломъ преувеличивавшихъ число старообрядцевъ по какимъ-то особымъ, имъ однимъ извѣстнымъ соображеніямъ. Но какіе именно слѣдуетъ употреблять для исчисленія раскольниковъ <u>особые способы</u> и пріемы, вѣрность которыхъ соотвѣтствовала бы цѣли — авторъ не объясняетъ; да и объяснить не можетъ, ибо

никакихъ особыхъ способовъ кромѣ общепринятыхъ адми-
нистративностатистическою - не существуетъ.
Въ распоряженіи автора имѣются „вѣрнѣй-
шіе оффиціальные" источники, документы, со-
ставляемые православнымъ духовенствомъ,
каковы наприм. церковныя метрическія кни-
ги, по которымъ можно насчитать расколь-
никовъ, живущихъ въ Россіи, не свыше одного мил-
ліона, а также епархіальные ежегодные
отчеты и даже Всеподданнѣйшіе Оберъ-Про-
курорскіе „блистательнѣйшіе" отчеты по ду-
ховному вѣдомству, по которымъ, между
прочимъ оказывалось, что въ нѣкоторыхъ
епархіяхъ присоединялось къ православной
церкви раскольниковъ больше, чѣмъ сколько
существовало ихъ, по церковнымъ метри-
камъ. Не эти ли источники и оффиці-
альные документы составляются, по словамъ
автора, „невѣрными, несоотвѣтствующи-
ми цѣли способами и пріемами"? Въ чемъ
же состоитъ новый, вѣрный способъ исчисле-
нія раскольниковъ, придуманной Н. Суб-
ботинымъ? Зная достоинство этихъ оф-
фиціальныхъ источниковъ, онъ прошелъ
ихъ молчаніемъ, и взамѣнъ ихъ под-

ставилъ какого то воображаемаго имъ безпристрастнаго изслѣдователя. Этотъ „безпристрастный изслѣдователь", говоритъ онъ, желая опредѣлить дѣйствительное количество раскольниковъ, на основаніи данныхъ несомнѣнной вѣрности (?) придетъ къ заключенію, что пятнадцатимилліонная цифра ихъ должна быть сокращена, если не до двухъ милліоновъ, то по крайней мѣрѣ до трехъ. (стр. 7-8). Почему, на какихъ основаніяхъ и въ чемъ состоитъ несомнѣнная вѣрность такихъ вымышленныхъ источниковъ — не извѣстно. Такова статистика нашего автора, принявъ за основаніе такой несомнѣнной вѣрности, хотя и вымышленный источникъ статистическихъ данныхъ, авторъ уже не затрудняетъ не досчитать, или пересчитать цѣлый милліонъ людей изъ дознанныхъ имъ 2-3 милліоновъ всего раскольничьяго населенія имперіи, такія цифры не составляютъ для него большой разницы. Да и стоитъ ли говорить о такой бездѣлицѣ - въ оффиціозной брошюрѣ, имѣющей лишь бодну цѣль — во-что-бы-то ни стало доказать ничтожную численность старообрядцевъ.

Но не такъ было лѣтъ 15 тому назадъ, нашъ авторъ цѣнилъ правду больше нѣмъ теперь и, возражая одному писателю, опредѣлявшему число русскихъ раскольниковъ въ десять или десять съ половиною милліоновъ, весьма строго замѣтилъ ему: „ужели 500,000 человѣкъ не составляютъ большой разницы, чтобы можно было выражаться съ такой неопредѣленностью?" и далѣе присовокупилъ „что вопросъ о дѣйствительномъ числѣ раскольниковъ, къ сожалѣнію, досель остается неразъясненнымъ, по неимѣнію точныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для его рѣшенія." Это подлинныя слова г. Субботина можно прочесть въ извѣстной статьѣ его („Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій на стр. 171-172. Москва 1867 г.). Но теперь не то. Теперь въ 1881 г. въ разсматриваемой брошюрѣ о сущности и значеніи раскола въ Россіи, онъ уже не сознается въ своемъ незнаніи, а просто кичится имъ передъ обществомъ, увлекая и другихъ предрасположенныхъ во всемъ вѣрить ему на слово. Вотъ какими новыми источниками статистическихъ свѣдѣній неразборчивый авторъ, какъ несом-

нѣнно вѣрными старается разсѣять предубѣжденія, вкоренившіеся въ <u>правительственныхъ сферахъ</u> (?!) относительно громаднаго будто количества старообрядцевъ въ Россіи. Но, полагая численность раскольниковъ до <u>трехъ милліоновъ</u>, онъ изобличаетъ православное духовное вѣдомство въ кражѣ, по крайней мѣрѣ <u>двухъ милліоновъ людей</u>, ибо численность всѣхъ въ Россіи раскольниковъ по оффиціальнымъ церковнымъ метрикамъ полагается въ одинъ милліонъ. Очевидно, что основаніемъ для приведенныхъ исчисленій послужила оффиціозному статистику Св. Синода святотатственная торговля записями, при которой духовенство за деньги заноситъ въ церковныя метрики милліоны людей, на самомъ дѣлѣ къ православной церкви не принадлежащихъ. И развѣ это не извѣстно автору? Не понимаемъ: зачѣмъ закрывать глаза передъ такими преступными дѣйствіями составителей метрикъ? Да и что выигрываетъ церковь отъ того, что въ средѣ своей по принужденію будетъ считать милліоны людей, къ ней непринадлежащихъ?

Но клерикалъ-чиновникъ думаетъ не такъ: разъ если приписаны къ церкви, то значитъ принадлежатъ къ ней и вѣруютъ, или обязаны вѣровать, ибо такъ приказано духовнымъ начальствомъ. Въ сущности же это есть отрицаніе вѣры въ церковь, потому, что вѣра сама по себѣ предполагаетъ свободу, а слѣдовательно и отрицаніе всякаго принужденія.

Впрочемъ, придавая особую вѣрность вопросу о численности старообрядцевъ въ Россіи, авторъ черезъ нѣсколько же строкъ отказывается отъ практическаго значенія этого вопроса. Вотъ что говоритъ онъ дальше въ своей брошюрѣ:

„Но для вопроса о томъ, должны ли быть сравнены русскіе раскольники въ религіозныхъ правахъ съ русскими подданными иновѣрныхъ исповѣданій, въ существѣ его самая численность раскольниковъ дѣло безразличное: право и справедливость должны быть удовлетворены независимо отъ того, просятъ ли такого удовлетворенія милліоны, или сотни и десятки тысячъ людей, лишь бы только право и

справедливость были дѣйствительно на ихъ сторонѣ." (стр. 8). И дѣйствительно, если бы авторъ не уклонялся такъ часто въ сторону отъ основы права и справедливости, то не игралъ бы милліонами живыхъ людей, какъ шашками, если-же съ другой стороны для рѣшенія вопроса о дарованіи свободы вѣроисповѣданія старообрядцамъ все равно, считаются ли они милліонами или сотнями и даже десятками тысячъ, то зачѣмъ же эта праздная заботливость автора объ усиленномъ сокращеніи числа раскольниковъ на основаніи вымышленныхъ имъ статистическихъ данныхъ „несомнѣнной вѣрности". Но посмотримъ, какъ понимаетъ авторъ возглашенныя имъ начала „права и справедливости". „И такъ - спрашиваетъ онъ - требуетъ ли право и справедливость, чтобы русскіе раскольники были сравнены въ религіозномъ отношеніи съ иновѣрцами, находящимися въ русскомъ подданствѣ? Составляютъ ли они въ этомъ отношеніи явленіе совершенно аналогическое съ сими послѣдними и могутъ ли по праву и справед-

мвости быть включены въ число сихъ послѣднихъ" (стр 8)? Какая странная постановка вопроса: составляютъ ли старообрядцы аналогическое явленіе съ иновѣрцами! Да въ чемъ же можетъ состоять здѣсь какая бы то нибыло аналогія? Иновѣрцы люди чужой крови, происхожденія и т. д. старообрядцы же всѣ безъ исключенія — коренные русскіе люди, преданные престолу и отечеству, и неоднократно доказывавшіе на дѣлѣ свою преданность и горячую любовь къ родинѣ. Само-собой разумѣется, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о „включеніи" послѣднихъ въ число первыхъ, и тѣмъ оскорбительнѣе для нравственнаго патріотическаго чувства старообрядцевъ, что имъ приходится жить какими то паріями въ своей же народной семьѣ, и не пользоваться въ дѣлахъ вѣры даже тѣми правами, какими пользуются люди и общества чужаго происхожденія, не исключая евреевъ, магометанъ и даже идолопоклонниковъ. Отвѣчая отрицательно на поставленный выше вопросъ, ор-

фиціозный противникъ свободы вѣроисповѣданія разсуждаетъ такъ: „наши раскольники совсѣмъ не то въ религіозномъ отношеніи, что живущіе въ Россіи иновѣрцы и было бы противно праву и справедливости сравнивать ихъ въ этомъ отношеніи съ сими послѣдними". И далѣе:

„Первое, главное, самое существенное различіе между живущими въ Россіи иновѣрцами и русскими раскольниками, которое необходимо всегда имѣть въ виду, заключается въ томъ, что всѣ иновѣрцы, состоя вѣрными русскими подданными, не суть однако же по своему происхожденію и національности - коренные русскіе люди, и по религіи никогда не были членами православной русской церкви, раскольники же, совершенно напротивъ, всѣ безъ исключенія русской крови, и національности, и всѣ безъ исключенія принадлежали одни раньше, другіе позднѣе къ русской православной церкви (стр. 8-9). Перевернемъ это витіеватое положеніе и спросимъ: да вѣдь и иновѣрцы, живущіе въ Россіи въ религіозномъ отношеніи

совсѣмъ не то, что старообрядцы, да и притомъ люди, чуждые намъ русскимъ по крови и національности, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы и ихъ надо было по праву и справедливости включить въ число старообрядцевъ, т.е. лишить права совершать свои религіозныя дѣйствія и открыто исповѣдать свою вѣру? Вотъ до какихъ нелѣпыхъ выводовъ можно дойти, пользуясь аргументаціей автора.

Изъ разсужденій автора очевидно, все таки, что главная вина старообрядцевъ состоитъ въ томъ, что всѣ они русской крови и національности къ каковому выводу и приходитъ ученый профессоръ, умѣющій разсматривать религіозные вопросы только путемъ аналогіи и притомъ лишь въ узкихъ предѣлахъ національности. Съ одной стороны всеобъемлющее значеніе церкви, а съ другой узкая рамка національности, въ которую авторъ старается вдвинуть православную церковь: какое рѣзкое недостойное представителя православнаго духовенства противорѣчіе!? Не останавливаясь на немъ, онъ бездоказательно раз-

вивается далее свое положение въ следующихъ выраженiяхъ:

„Всѣ иновѣрцы, говоритъ онъ, или отдѣльными личностями и семействами, или цѣлыми областями, составлявшими ихъ отечество, вошли и входятъ въ число русскихъ подданныхъ, въ составъ русскаго государства, имѣя свои особыя національныя качества, даже сохраняя нѣкоторыя національныя учрежденія, и исповѣдуя свою особую религію, свои особыя изъ глубокой древности (!?) идущія отличія въ исповѣданіи вѣры, на сохраненіе которыхъ могутъ предъявлять такое-же право, какъ на сохраненіе своихъ природныхъ національныхъ особенностей." (стр. 9).

Итакъ оффиціальный противникъ старообрядчества договорился уже до отрицанія коренныхъ началъ церкви. Понимая церковь, только при распредѣленіи ея по племенамъ, сохраняющимъ свои національныя отличія, профессоръ богословія въ русской духовной академіи тѣмъ самымъ отвергаетъ то основное начало, что каѳолическая и апостольская

церковь, есть церковь вселенная, а не національная; есть „собраніе вѣрующихъ", къ которымъ относятся слова апостола: Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Нѣсть Іудей и Эллинъ нѣсть рабъ ни свободь: нѣсть мужескій полъ ни женскій: вси бо вы едино есте во Христѣ Іисусѣ (Гал. гл. 3 ст. 27-28). Не будемъ распространяться о томъ, какъ нѣкоторые не христіанскіе народы смотрятъ на свои религіи, какъ напр. магометане смотрятъ, по ученію Корана, на всѣхъ не магометанъ, или же какъ евреи смотрятъ по ученію Талмуда на всѣхъ не евреевъ, и наоборотъ, какъ смотритъ русскій народъ на всѣхъ евреевъ „жидовъ". Но сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о настоящемъ положеніи въ Россіи нѣкоторыхъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, каковы напр: Латиняне и протестанты.

а) Латиняне, какъ извѣстно, отдѣлились отъ восточной церкви въ XI столѣтіи и объявили восточную церковь схизмою. Въ римской церкви еще въ IX столѣтіи стало входить въ обычай

отпущение грѣховъ за деньги, а въ половинѣ XVI столѣтія папа Левъ X, крайне нуждаясь въ деньгахъ для веденія войны съ турками, для построенія храма Св. Петра въ Римѣ и для содержанія своего двора, произвелъ продажу отпущенія грѣховъ - индульгенцій по всему католическому міру. Эта то продажа, между прочимъ и послужила поводомъ къ протесту Лютера. Отсюда протесты противъ папства; освященная адскимъ духомъ инквизиція, длинный рядъ религіозныхъ кровопролитныхъ войнъ между католичествомъ и протестантствомъ, отсюда же протестанскія общества, изъ которыхъ образовались потомъ могущественныя анти-католическія государства. Еще недавно въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ, Ватиканскій соборъ, съ Піемъ IX во главѣ, утвердилъ и торжественно объявилъ догматъ о непогрѣшимости папы. Отсюда новый протестъ старо-католиковъ. Теперь спрашивается, уже ли почтенніи сочинители брошюры, и такіе уродливые догматы, какъ непогрѣшимость человѣка

-пами, принадлежатъ также къ тѣмъ „изъ глубокой древности идущимъ отличіямъ въ исповѣданіи вѣры", на сохраненіи которыхъ католики „могутъ предъявить такое-же право, какъ на сохраненіе своихъ природныхъ національныхъ особенностей"? Очевидно, что это не болѣе - какъ наборъ фразъ, которымъ опытный чиновникъ - клерикалъ отводитъ глаза своимъ излишне довѣрчивымъ читателямъ, и къ которому онъ поневолѣ прибѣгаетъ за неимѣніемъ иныхъ болѣе вѣскихъ доказательствъ въ пользу своихъ невѣроятныхъ и оскорбительныхъ для достоинства церкви основныхъ положеній.

б.). Протестанты разныхъ сектъ, напр. Лютеране, Кальвинисты, Реформаты и пр., возникшіе въ христіанскомъ западномъ мірѣ, въ половинѣ XVI столѣт., неужели и они также происходятъ изъ глубокой древности? Ужели, по мнѣнію автора, слѣдуетъ отнести къ особымъ „изъ глубокой древности идущимъ отличіямъ, такія положенія протестантизма, какъ напр. отрицаніе таинства покаянія, искони совершаемаго въ церкви христіанской въ

видѣ цѣлой исповѣди духовнику; какъ отрицаніе таинства священства и преемственности рукоположенія апостольскаго, и пр.? По мнѣнію автора выходитъ, что именно въ силу этихъ изъ глубокой древности идущихъ отличій за лютеранскими пасторами мірянами признается право священнодѣйствовать и даже совершать литургію. Не говоримъ уже о томъ, что протестанство отвергаетъ исконныя преданія и обряды каѳолической и апостольской церкви, - какъ напр.: почитаніе и призываніе въ молитвѣ святыхъ, поклоненіе св. иконамъ и Кресту, крестное знаменіе, т.е. осѣненіе себя рукою крестообразно съ надлежащимъ сложеніемъ перстъ и т.д. Отвергать всѣ эти и другія священныя преданія и обряды, и даже таинства, значитъ на языкѣ оффиціознаго православнаго богословія „сохранить свою особую религію, свои особыя изъ глубокой древности идущія отличія въ исповѣдываніи вѣры" и т. д. Опровергать подобныя слишкомъ очевидныя нелѣпости было бы излишнею потерею времени.

На стр. 11, авторъ увѣряетъ, что „сама православная церковь не одинаково

относится къ иновѣрнымъ христіанским
религіямъ, признать въ нѣкоторыхъ напр.
законность и правильность преемственно
отъ апостольскихъ временъ существую-
щаго у нихъ священства, а съ тѣмъ вмѣстѣ
и благодатную силу прочихъ таинствъ." На
это отвѣтимъ, что древняя восточная
православная церковь, не одинаково отно
силась, однако, къ одному и тому же армяно
-григоріанскому исповѣданію и даже не от-
носилась такъ прежде, какъ относится
теперь къ этому исповѣданію, господствую-
щая въ Россіи православная церковь.
Какъ слагалось и сложилось подъ разными,
однако не чуждыми духу русскаго народа влія-
ніями, положеніе нѣкоторыхъ иновѣр-
цевъ въ Россіи, о томъ свидѣтельствуетъ намъ
историкъ юго-западной Руси - Зубрицкій, кото-
рый говоритъ: „Въ концѣ XIV стол. Армяне,
тѣснимые своими врагами Персами, на-
чали переселяться въ южные предѣлы
нынѣшней Россіи. Около 1367 года, Русскіе Га-
лицко-Владимірскіе князья, слѣдуя той
же политикѣ, по которой они принимали
въ свои края, и осыпали разными преиму-

ществами Нѣмцевъ, Караитовъ (Караимовъ) и Сарацинововъ, т. е. для распространенія у себя промышленности и торговли, охотно пустили армянъ въ свою землю. Такимъ образомъ армяне поселились на Руси: во Львовѣ, Галичѣ, Язловцѣ, Снятинѣ и другихъ рускихъ городахъ, сохраняя богослуженіе на родномъ языкѣ и по своему обряду." (1)

Такъ сложилось положеніе въ Россіи иновѣрныхъ религій и инославныхъ христіанскихъ исповѣданій. Русская государственная власть охотно принимала разныхъ иновѣрцевъ въ свои края, предоставляя имъ полную религіозную свободу. Какое же участіе принимала въ этомъ православно-церковная власть, — власть не отъ міра сего (Іоан. 18-36)? .... Вотъ какое: тогдашніе русскіе православные пастыри изложили для принятія тѣхъ изъ иновѣрцевъ, которые добровольно вступали въ общеніе съ церковью, надлежащее чиноприятіе.

---

(1) Зубрицкаго: „Описаніе червонной или галицкой Руси" стр. 156; Бѣляево: „Накоуные списки соборнаго уложенія 1551 года или Стоглава" стр. 42, Москва 1863 г.

V

Въ предыдущихъ главахъ нашей Апологіи еще далеко не исчерпаны обвиненія, направленныя противъ старообрядцевъ. Продолжаемъ наши разоблаченія. „Всѣ такъ называемые старообрядцы, говорится на стр. 9-10 оффиціозной брошюры, суть коренные, исконные русскіе люди, исконные члены русскаго народа и государства, не вошли въ нихъ извнѣ и не принесли извнѣ они никакой особой религіи, напротивъ всѣ исповѣдывали одну и туже православную вѣру, принадлежали къ одной и той же православной русской церкви, и уже потомъ, одни самолично, другіе въ лицѣ своихъ очень недавнихъ предковъ, отступили отъ православія, отдѣлились отъ православной русской церкви, измысливъ свои, дотолѣ не слыханныя религіозныя ученія, основавъ свои дотолѣ не бывавшія церкви, которыя даже и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ отличаются самою крайней нетерпимостью. Наше законодательство всегда имѣло въ виду это существенное различіе между русскими подданными иновѣрныхъ исповѣда-

ній и русскими людьми, измѣнившими своей вѣрѣ. Предоставивъ первымъ свободное исповѣданіе ихъ религій, законъ въ то-же время строго преслѣдуетъ и караетъ уклоненіе изъ православія въ какую либо иную религію, хотя и признанную, или дозволенную въ Россіи. И такъ какъ расколъ въ своемъ существѣ и во всей совокупности составляющихъ его сектъ есть именно уклоненіе русскаго человѣка изъ православія въ иную вѣру, то въ силу указаннаго закона точно также продолжающаго дѣйствовать, какъ и законъ о религіозной свободѣ иновѣрцевъ въ Россіи раскольники не только не имѣютъ права на полученіе такой-же, какою пользуются эти послѣдніе, религіозной свободы, но подлежатъ еще за отступленіе отъ православія законной карѣ. (стр. 9-10). Въ этой длинной тирадѣ бросается въ глаза рѣзкое противорѣчіе: если старообрядцы, по словамъ ихъ противника, „не принесли извнѣ никакой особой религіи" а слѣдовательно остались въ томъ же православіи, въ какомъ находились и до своего отдѣленія отъ господствующей церкви, то

Какой же смыслъ имѣетъ обвиненіе „въ отступленіи отъ православія", да еще въ какую то иную вѣру? Объясненіе этого противорѣчія кроется въ слѣдующихъ, весьма хитроподставленныхъ словахъ: „расколъ во всей совокупности составляющихъ его сектъ". Очевидно, что авторъ, не имѣя возможности точно и правильно провести аналогію между старообрядчествомъ и иновѣрными религіями, пользующимися всѣми правами гражданства въ Россіи и обвинить старообрядчество, пріемлющее священство, во вредномъ для народа и государства отступничествѣ, поневолѣ для достиженія своей цѣли и для возбужденія страха кому слѣдуетъ долженъ былъ подставить „расколъ во всей совокупности, составляющихъ его сектъ", и подъ этой общей вывѣской („) сдѣлать противъ старообрядчества грозное, слишкомъ для него тяжелое и несправедливое обвиненіе въ измѣнѣ церкви и государству, — измѣнѣ, подлежащей карѣ закона. Такимъ образомъ смѣшавъ вмѣстѣ, такъ сказать сваливъ въ одну кучу Ѳедосѣевцевъ, Филипповцевъ, Нѣтовцевъ и т. п. безпоповцевъ-бракоотри-

цателей, проповѣдующихъ, что уже наступило царство антихриста, или странниковъ бѣгуновъ, которые даже въ отбываніи государственныхъ повинностей признаютъ служеніе антихристу, словомъ всѣхъ существующихъ въ Россіи сектантовъ, безъ различія и исключенія изъ нихъ полезныхъ государству — старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, авторъ брошюры уже не затруднился сказать прямо и рѣшительно, что вообще „русскій расколъ является какъ отрицаніе православія по преимуществу, какъ постоянное и дѣятельное стремленіе ниспровергнуть православную русскую церковь, и на мѣсто ея поставить самого себя въ качествѣ именно православной русской церкви, какой попытки не имѣетъ и не можетъ имѣть ни одна изъ существующихъ христіанскихъ религій (стр. 10, тоже 48). Такова, недостойная безпристрастнаго критика богослова, аргументація. Оспаривать ее, конечно, нѣтъ возможности, ибо это даже не критика, не разборъ того или другаго вѣроисповѣднаго ученія, а измышленіе, придуманный для застращиванія

правительства и понужденія его воспрещавать силою уголовнаго закона и полицейскихъ мѣръ. Впрочемъ, въ этой аргументаціи прежде всего запутался самъ богословъ-доноситель на старообрядчество. Выгородивъ всѣ иностранныя религіи, пользующіяся въ имперіи правами гражданства, онъ тутъ-же прибавляетъ: „каждая религія самымъ своимъ появленіемъ и существованіемъ, заявляетъ увѣ, что она отрицаетъ истинность всѣхъ прочихъ и въ томъ числѣ православія, и слѣдовательно, прибавимъ его же словами „стремится ниспровергнуть православную русскую церковь". Что-же? значитъ такое вредное для государства стремленіе составляетъ прирожденное свойство всѣхъ пользующихся у насъ правами гражданства религій: католичества, протестантизма, и. т. д., но не старообрядчества, которое само-по-себѣ не есть даже особая отъ православія религія, съ особыми отъ господствующей церкви догматами. И здѣсь опять встрѣчается съ тѣмъ излюбленнымъ брошюрою общимъ положеніемъ, что „предоставленіе полной свободы расколу, какъ отдѣльной церкви, во всѣхъ его религіозныхъ отправленіяхъ, было

бы прямымъ и открытымъ принесенiемъ православiя въ жертву раскола" (стр. 11). И вотъ опять у нашего клерикала исчезла вѣра въ церковь, которую не только невѣжественный расколъ, но и врата адова не одолѣютъ (Матѳ 17-18), опять таже боязнь профессора, невѣрующаго въ силу и святость своей церкви, - боязнь за то, что старообрядчество, получивъ свободу своихъ религiозныхъ дѣйствiй, вдругъ сдѣлается господствующею религiею въ Россiи. Здѣсь не помогло автору даже знанiе церковной исторiи, которая учитъ, что борьба съ открытымъ противникомъ не была и не можетъ быть страшна для истиннаго православiя. Не первые ли вѣка христiанства, когда оно было тайною, запрещенною религiей научаютъ насъ, что гонимое и запрещенное постоянно растетъ и, воспитываясь подъ охраною запрета и гоненiя, становится наконецъ, побѣдителемъ. Нѣтъ, господинъ ученый богословъ! Не запретомъ и гоненiемъ должно бороться, а въ особенности въ дѣлахъ религiознаго разномыслiя, съ своимъ противникомъ, а предоставленiемъ ему полной свободы вѣры и дѣйствiя. Только при

этой свободѣ явилася возможность не только узнать численность и силы противника, но может быть и одолѣть его, но въ открытомъ честномъ бою, не застращивая никого силою уголовнаго закона, и не подставляя духовенство на мѣсто церкви. Впрочемъ, возставая теперь противъ свободы вѣроисповѣданія, г. Субботинъ пожалуй и правъ в томъ отношеніи что однажды онъ уже дѣлалъ опытъ свободнаго обсужденія раскольничьихъ дѣлъ, но неудачно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ основалъ спеціальный журналъ <u>Братское Слово</u>, которое имѣло цѣлью, способствовать 1., основательному и всестороннему изученію раскола, особенно посредствомъ изданія, остающихся неизвѣстными памятниковъ его исторіи вѣроученія и религіозно-общественнаго быта, 2., спокойному и безпристрастному разъясненію главныхъ пунктовъ разномыслія между расколомъ и церковью. Начиная такое совершенно спеціальное изданіе мы, писалъ издатель-редактору <u>Москов. Вѣдом.</u> расчитывали на вниманіе и сочувствіе какъ вообще русскихъ чита-

телей, и интересующихся историческими судьбами русской церкви и русскаго народа, такъ особенно лицъ, поставленныхъ въ ближайшее отношеніе къ расколу и самихъ представителей этого последняго, именуемыхъ старообрядцевъ. Но печальный опытъ убедилъ насъ, что эти расчеты были не верны, что изданіе спеціальнаго журнала, особенно же относящагося къ области наукъ богословскихъ и церковно-историческихъ, у насъ еще не возможно, по крайней мере для частнаго лица, на его собственныя средства, безъ матеріальной поддержки отъ какого либо общества или отъ правительства (?!). Правда, число подписчиковъ на Братское слово въ первомъ году было достаточно для того, чтобы журналъ могъ существовать; во второмъ же году оно упало до такой незначительной цифры, что редакція не въ состояніи покрыть подписною платой даже типографскихъ расходовъ, и со следующаго 1877 года вынуждена прекратить изданіе... Къ такому решенію, кроме сейчасъ указанныхъ причинъ, побудили насъ и иного рода соображенія.

-и частью потому, что на него, (т. е. на Журнал Братское слово) наложил грозное вето самъ старообрядческий владыка - Антоний Шутов: мы слышали, что сей раскольничий папа действительно внес Братское слово въ index сочинений и книгъ, воспрещенныхъ для чтенія старообрядцамъ"(1).

Коментарій здѣсь не требуется. Изданіе быстро пало не только вслѣдствіе равнодушія къ нему православныхъ читателей, но и вслѣдствіе „грозного" запрещенія положеннаго распоряженіемъ старообрядческаго владыки Антонія Шутова. Не оттого ли г. Субботинъ и теперь такъ боится свободнаго обсужденія и оспариванія вопросовъ вѣры, и предоставленіи старообрядчеству права на свободное отправленіе богослуженія? Но чѣмъ же тутъ виноватъ Антоний, коли ученый представитель православнаго духовенства не сумѣлъ поддержать въ публикѣ то сочувствіе къ предпріятію, которое сначала выказалось къ нему такъ сильно и решительно? И вотъ опять таки вина ложится не въ старообрядчествѣ, а въ слабости и безсиліи самаго православнаго духовенства, и его уч-

(1) Москов. Вѣдом. 1876. № 306.

никъ представителей, не обнаруживающихъ достаточной способности поддерживать дѣло православной церкви, посредствомъ свободнаго признанія правъ громаднаго общества старообрядцев, отшатнувшихся не отъ церкви, а отъ ея духовенства. Но чего же хочетъ авторъ брошюры? Поддерживая необходимость кары закона и уголовнаго преслѣдованія, онъ возстановляетъ и поддерживаетъ тотъ самый порядокъ вещей, который въ давно былое время былъ, создалъ расколъ и вскормилъ подъ покровомъ церковнаго и гражданскаго преслѣдованія. Припомнимъ здѣсь слѣдующіе немногіе факты изъ его исторіи. Русскій расколъ грозно разразился..., вслѣдствіе соборныхъ клятвъ иже съ Никономъ 1654-1656 г. и послѣ него 1666-1667 г. Вслѣдствіе этихъ соборныхъ клятвъ, стало невозможно русскимъ людямъ соблюдать древне церковные обряды и преданія иначе какъ отдѣлившись отъ господствующей іерархіи, которая отвергла святоотеческіе обряды и преданія, упразднила соборность установленную каѳолическою и апостольскою церковью, и стала подъ управленіемъ такихъ противныхъ духу православной церкви и наро-

да учрежденій какъ „Духовный Коллегіумъ“, „Духовная Дикастерія“ (ужасное судилище, - на подобіе инквизиціи) и „Духовная Консисторія.“ Эти учрежденія прямо объявили войну противъ всего, что было освящено обычаемъ и преданіемъ древлеправославной церкви, а средствами для этой войны послужили имъ духовныя увѣщанія въ родѣ кнута, цѣпей преисподнихъ тюремъ, каторги, костровъ, висѣлицъ и т. п. Тогда была пущена въ ходъ и знаменитая „пращица“ - твореніе извѣстнаго Нижегородскаго архіерея Питирима, неудачнаго сподвижника Петра Великаго, въ его борьбѣ съ старообрядчествомъ. Но ни соборныя клятвы, ни кнутъ и топоръ палача, ни костры и висѣлицы, ни „пращицы“ съ подложными документами, не могли изгнать столько сыновъ господствующаго православія вонъ за церковную ограду, сколько ихъ одинъ указъ „Духовнаго Коллегіума“ 15 Мая 1722 г. Въ этомъ указѣ между прочимъ опредѣлялось: „Которые хотя св. церкви повинуются и всѣ церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двумя персты, а не трехперстнымъ сложеніемъ, тѣхъ, кои съ противнымъ мудрствованіемъ, и которые хотя и

по невѣжеству, отъ упорства то творятъ обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что"(1)

И вотъ пошли записывать въ расколъ милліоны православныхъ двуперстниковъ, и облагать ихъ двойными податями... Въ теченіи сорока лѣтъ, церковныя власти изгоняли вонъ изъ церкви вѣрныхъ ея сыновъ за то только, что они, крестъ на себѣ изображали двумя персты, а не троеперстнымъ сложеніемъ, не подумавъ о томъ, что тѣмъ самымъ они становили обрядъ на ряду съ догматомъ, форму предпочитали содержанію мертвящую букву - животворящему духу. Пошатнулась цѣлость церкви, и изъ-за чего? Изъ-за денегъ: изъ за обложенія двойною податью, подъ страхомъ жестокихъ гоненій, сотни тысячъ вѣрныхъ сыновъ отечества, бѣжали въ чужія страны.

Выше и разумнѣе церковныхъ властей стала въ дѣлахъ вѣры Императрица Екатерина II. По ея именному повелѣнію 15 Сентября 1763 г., на общей конференціи Сената, и Синода указомъ 3 и 5 Марта 1764 г. опредѣлено: „Которые православной церкви не чуждаются и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только

(1) Сии Собран. по частн. раск. кн. 1, § 11 стр. 35.

двуперстнымъ сложеніемъ Крестятся:- таковыхъ отъ входа церковнаго и отъ таинствъ не отлучать и раскольниками не признавать[1], а другой Указъ 6-7 Марта 1783г. отмѣнилъ и взысканіе двойныхъ податей съ записавшихся въ расколъ. Тогда то перестало употребляться въ документахъ и наименованіе: раскольникъ, а каждый сталъ записываться по своему званію: купцомъ, мѣщаниномъ, цѣховымъ, крестьяниномъ - безъ различія, кто какими правилами церкви руководствуется. Тогда то свѣтской власти было указано не вмѣшиваться въ распознаваніе „кого изъ жителей въ числѣ православныхъ, или кого въ числѣ заблуждающихся почитать", а церковной власти приводить „слабомыслящихъ и зыблющихся" въ избраніи пути спасенія, кротостью, терпѣніемъ, настояніемъ въ преподаніи истинныхъ правилъ", и не наказуя и не истязуя; ибо болѣзнь ума человѣческаго требуетъ совсѣмъ другихъ правилъ ко врачеванію, нежели припадки тлѣннаго тѣла."[2]

Съ этихъ поръ старообрядчеству въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I была предо-

(1) См. Собраніе постанов. по части раскола кн. I. стр. 604-605. С. Петербургъ 1860г. печ. въ Типогр. Министерства Внутр. Дѣлъ
(2) Въ той же I кн. собр. постан. по част. раск. стр. 712-713.

ставлена, наравнѣ съ прочими признанными закономъ религіями, полная религіозная свобода относительно отправленія ихъ богослуженія, построеніе церквей и монастырей, дозв. печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ.

Въ 30 и особенно въ 40-50ыхъ годахъ, правительство подъ вліяніемъ православно-церковной власти, усердно озаботилось объ обращеніи раскольниковъ въ нѣдра православной церкви, посредствомъ „чисто духовныхъ миссіонерскихъ" увѣщаній, хотя и при весьма внушительномъ содѣйствіи мѣръ административнаго свойства какъ то: лишеніе правъ гражданства и даже тѣлесныхъ наказаній, заточеній, ссылки и проч. Превращеніе старообрядческихъ церквей въ единовѣрческія, притязательные обыски старообрядческихъ домовъ, конфискація драгоцѣнностей старыхъ иконъ и книгъ были въ то время явленіями столь же обыкновенными, какъ и то, что старообрядцы стали откупаться цѣною большихъ денегъ отъ такихъ періодическихъ нашествій непріятеля. Всѣ подобныя мѣры принесли самые горькіе плоды какъ для старообрядцевъ, пресытившихся ими до отвращенія, такъ и для церкви, принявшей въ

лѣно свое милліоны раскольниковъ, только на бумагѣ числившихся православными. Любопытный примѣръ такого обращенія въ православіе и представляетъ распоряженіе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода Протасова въ 1846 г. —„о мѣрахъ къ устройству единовѣрческихъ приходовъ въ раскольническихъ посадахъ и слободахъ Черниговской Губерніи". Въ то время однимъ почеркомъ пера всемогущаго Оберъ-Прокурора были обращены въ единовѣріе нѣсколько посадовъ и слободъ, Черниговской губ., населенныхъ многочисленными раскольниками (Добрянка, Новозыбковъ, Клинцы, Злынка, Еленка и др.). И что-же? Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 35 лѣтъ, а насажденныя тогда единовѣрческія церкви и по сіе время остаются въ самомъ печальномъ положеніи, состоя изъ Клира, т.е. изъ священника и дьячка, на казенномъ жалованьѣ, а прихожанъ, кромѣ горсти весьма немногихъ лицъ, изъ бывшихъ старообрядцевъ, объявленныхъ обратившимися въ единовѣріе, и по сіе время не имѣется. Подобныя же фальшивыя обращенія раскольниковъ производились подъ командой графа Протасова, и въ другихъ мѣстахъ Россіи, не исключая и Москвы, и въ концѣ концовъ блистательные

по отчетамъ Синода успѣхи православнаго миссіонерства, въ дѣлѣ возсоединенія раскольниковъ съ православною церковью оказались такимъ же обманомъ, какимъ оказываются теперь канцелярско-статистическія данныя г. Субботина о числѣ старообрядцевъ, не превышающихъ будто-бы 2-3 милліон. человѣкъ. Православное духовное вѣдомство уже не записывало, какъ бывало прежде, православныхъ двуперстниковъ въ расколъ для обложенія ихъ двойною податью, а наоборотъ: записывало раскольниковъ принадлежащими къ господствующему православію, но дабы не тревожить ихъ въ отправленіи ихъ религіозныхъ дѣйствій по ихъ обрядамъ собиралось съ нихъ безконечные поборы. А за церковными начальствами слѣдовали конечно и свѣтскія, гражданскія власти. Отказываться въ этихъ поборахъ значило для старообрядцевъ навлечь на себя преслѣдованіе въ совращеніи въ расколъ, и можетъ быть подпасть подъ уголовный судъ. Въ такомъ видѣ и подъ торжествовавшаго надъ старообрядчествомъ православнаго духовенства въ былое время въ незабвенныхъ 40 и 50^{xъ} годахъ. Вотъ какіе порядки восхваляетъ отважный сочинитель брошю-

ры „о сущности и значеніи раскола въ Россіи," и къ къ нимъ то предполагаетъ онъ возвратиться теперь во имя чистоты и святости церкви православной. „Мѣры, какія были предпринимаемы Императоромъ Николаемъ противъ чрезвычайно распространившагося бѣглопоповства, говоритъ онъ, въ своей постепенности и совокупности, неизбѣжно вели къ его уничтоженію. О мѣропріятіяхъ противъ раскола, издававшихся въ царствованіи Императора Николая, въ настоящее время столь многими и такъ строго осуждаемыхъ, нужно вообще замѣтить, что онѣ вѣрно и прямо вели къ своей доброй и столь желательной для православія цѣли: если бы Императоръ Николай имѣлъ опытныхъ и искусныхъ, а главное вполнѣ честныхъ и безкорыстныхъ исполнителей своихъ плановъ против раскола, расколъ, можно съ увѣренностью сказать, теперь не существовалъ бы, или по крайней мѣрѣ влачилъ бы самымъ незамѣтнымъ и безвреднымъ для церкви образомъ свое жалкое существованіе между немногими безвѣсными его представителями." Но не спѣшите вѣрить на слово искренности разсужденія г. Субботина, не далѣе какъ въ 60^{хъ} годахъ этотъ спеціалистъ

по исторіи раскола, разсказавъ изъ не факты, приведенные выше, справедливо замѣтилъ; что такъ дѣлалось лишь въ то былое время и что ему, Субботину, „отрадно думать, что оно дѣйствительно былое"[1], и что тогда „составлялись проэкты и мнѣнія о мѣрахъ къ прекращенію раскола, о преграждении его вліянія на народъ и т.п. проэкты и мнѣнія, большею частью малоприложимыя къ дѣлу, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и испытывались на дѣлѣ".[2] Вотъ какой крупной поворотъ совершился въ короткое время въ пониманіи однимъ и тѣмъ же лицомъ однихъ и тѣхъ же событій! Да, видно, что высказывать свои мнѣнія свободно и открыто по собственному почину и отъ своего лица не то, что писать офиціозную брошюру на счетъ Св. Синода, скрывая свое имя подъ литерами Н.С.

---

(1). См. Соч. Н. Субботина: „Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій." Москва 1867г. стр. 126.

(2). См. соч. Н. Субботина: „Современныя движенія въ расколѣ" I, стр. 2 – „Изгнаніе бѣло-криницкаго митрополита Кирилла изъ Москвы." – и „Окружное посланіе раскольничьихъ архіереевъ и возбужденныя имъ гоненія между раскольниками. Москва 1863.

VI.

Въ настоящей главѣ мы имѣемъ дѣло уже не съ какимъ либо воззрѣніемъ, мнѣніемъ, разсужденіемъ, требующимъ возраженія, или отверженія, а просто съ клеветою, требующею разоблаченія.

„И такъ, сказано на стр. 16-17 доноса г. Субботина, расколъ послѣ каноническаго отсѣченія отъ церкви, начавъ свою особую самостоятельную жизнь, положилъ въ ея основу то возмутительное ученіе, что будто-бы церковь великороссійская пала, лишилась благодати, стала церковью антихристіанскою. Держась этого ученія въ продолженіи всей своей исторіи, расколъ изъ него именно опредѣлялъ всегда, и опредѣляетъ доселѣ свои отношенія къ православной русской церкви, а также, сознавая тѣсную связь между церковью и государствомъ къ этому послѣднему." (стр. 16-17). Отсюда же такой выводъ на стр. 48. „Оградить закономъ полную свободу раскола во всѣхъ его общественно-религіозныхъ отправленіяхъ, очевидно, значило бы узаконить и оградить закономъ во всѣхъ ея (свободы) проявленіяхъ злѣйшую вражду противъ православія, стремленіе къ низверженію, или

по крайней мѣрѣ, за невозможностью достигнуть этого, къ причиненію всякаго зла православной церкви".

Итакъ, старообрядцы, по доносу офиціознаго критика, злѣйшіе враги не только церкви, но и государства, по тѣсной связи послѣдняго съ первою. Какъ православная церковь, такъ и государство суть, по ихъ ученію, учрежденія антихристіанскія антихристовы. И такую то клевету на старообрядчество дерзнулъ изречь г. Субботинъ, тогда какъ онъ самъ лучше всякаго другаго знаетъ, что какъ поповцы, такъ и безпоповцы старообрядцы всегда и во всѣ вѣка, и во всѣ дни, отличали церковную іерархію, отъ церкви, и церковь отъ государства, что отрекшись отъ іерархіи они всѣ безъ различія признавали себя и были въ дѣйствительности исконными вѣрно-подданными Русскаго царя, которые до сихъ поръ по первому призыву дружно стекаются въ охрану Его Священной Особы отъ злоумышленниковъ. Доказательства тому имѣются на лицо.

Да и могли ли старообрядцы дать въ послѣднее время присягу въ вѣрности царю

и государству, если бы они признавали ихъ антихристіанскими. Нѣтъ, они скорѣе дали бы себя сжечь на кострахъ, какъ это бывало не разъ въ ужасное время въ концѣ XVII до половины XVIII в., нежели присягнули бы антихристу и царству его. Но съ другой стороны старообрядцы, на основаніи словъ самаго Спасителя: воздадите убо яже кесарева кесареви и яже Божія Богови (Лука 20-25) и царство мое нѣсть отъ міра сего, всегда строго отдѣляли и отдѣляютъ государство отъ церкви, и еще болѣе отъ такой церкви, которая олицетворяется авторомъ брошюры въ одномъ клирѣ, ибо они твердо убѣждены, что церковь не есть духовенство только, но есть собраніе вѣрующихъ. Да и какъ же могутъ они признавать связь между церковью и государствомъ, когда хорошо знаютъ, и не слушавши лекцій г. Суббогина, что въ первые вѣка христіанства церковь христова жила среди языческихъ государствъ, и что донынѣ православная христіанская церковь живетъ также и среди магометанства.

Не пора ли наконецъ сказать, что старообрядчество устало служить мишенью всяческой злобы

и клеветы, расточаемой противъ него такими сочинителями, какъ г. Субботинъ, прикрывающійся рясою своего оффиціальнаго положенія. Пускай же онъ, доноситель, назоветъ намъ хоть одного старообрядца, поповца, или безпоповца - все равно, который бы былъ заподозрѣнъ въ политической крамолѣ. Тогда какъ вся Россія хорошо знаетъ, какъ сыновья и дочери православнаго духовенства шли въ переднихъ рядахъ заговорщиковъ къ ниспроверженію государства и престола. Достаточно назвать сына православнаго священника Кибальчича знаменитаго изобрѣтателя адскихъ снарядовъ, погубившихъ Царя-Освободителя, Ковальскаго также сына православнаго священника и казненнаго въ Одессѣ. А развѣ старообрядцы не читали въ газетахъ про священника Бѣляевскаго

ляевскаго, схваченнаго „съ мѣшкомъ революціонныхъ книгъ", или про саратовскую семинарію, какъ насажденное мѣсто пропагандистовъ и т. пр.(1)

Вотъ къ какимъ грустнымъ напоминаніямъ вынуждаетъ насъ г. Субботинъ. Но напа

(1). См. Ровал. Извѣст. 1881 г. № 327.

слѣдуемъ его пути наговоровъ, доносовъ и клеветы, Боже насъ сохрани отъ огульнаго обвиненія въ политической неблагонадежности всего православнаго духовенства изъ за какихъ нибудь десятковъ даже сотенъ выродковъ этого сословія. Но пускай же и онъ когда то правдивый историкъ, г. Субботинъ, хоть на единѣ съ самимъ собою и своею совѣстью, сознается во грѣхѣ - что изъ видовъ недостойныхъ духовной и чиновной особы напрасно оклеветалъ громадное общество людей ничѣмъ не повинныхъ. Мы будемъ довольны и этимъ внутреннимъ сознаньемъ нашего противника...

Здѣсь будетъ у мѣста напомнить хоть въ нѣсколькихъ словахъ когда, кѣмъ и по какимъ причинамъ духовная власть торжественно названа антихристіанскою. Г. Субботину извѣстно, что русскій патріархъ Никонъ, до такой степени смутилъ русскую церковь, что дѣйствія его стали называть антихристіанскими. Воскресенскій Монастырь, онъ же и новый Іерусалимъ, построенный Никономъ былъ обозванъ и знаменнымъ Іерусалимомъ, который не [illegible] ни новый, ни старый, а третій, т.е. грядущаго антихриста

самъ же Никонъ былъ названъ: „чудовищемъ", новымъ Люциферомъ, „дерзнувшимъ поставить престолъ свой выше другихъ"⁽¹⁾... и ставшимъ терзать, подобно ехиднѣ, родную мать свою церковь," „нововводителемъ, поколебавшемъ уставъ и древнее церковное преданіе" и проч... Такъ и словесно и письменно лично предъ самимъ Никономъ и заочно торжественно священно-соборно въ присутствіи „всесвятѣйшихъ" восточныхъ патріарховъ Царя и царскаго синклита, въ царскихъ и патріаршихъ палатахъ, порицали Никона и такъ называли его дѣйствія, сами тогдашніе уполномоченные священные-преосвященные правители всероссійской церкви, (въ томъ числѣ важнѣйшую роль игралъ родомъ грекъ, а вѣрою папистъ пресловутый Газскій Митрополитъ Паисій Лигаридъ) они же и дѣлопроизводители,

(1) То есть Никонъ былъ провозглашенъ „Патріархомъ Московскимъ на мѣсто папы Римскаго", провозглашеніе это сдѣлалъ по просьбѣ самаго же Никона торжественнымъ образомъ патріархъ антіохскій Макарій въ Успенскомъ Соборѣ 21 Декабря 1655 г., см. „Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ Высокопреосвященнѣйшаго Макарія Митрополита Московскаго." Стр. 93. Москва 1881 г.

и судьи и следователи, и составители „жезла правленія“ и соборныхъ дѣяній, постановленій, опредѣленій и клятвенныхъ изреченій 1666 и 1667 годовъ. А какъ эти высокоуполномоченные правители и дѣлопроизводители составляли соборныя дѣянія, опредѣленія и рѣшенія и какими насильственными мѣрами приводили къ подписи соборныхъ актовъ бѣдныхъ русскихъ архіереевъ-члены означенныхъ соборовъ: о томъ всемъ подробно разсказано и доказано въ сочиненіи самаго же г. Субботина: Дѣло патріарха Никона

Разсказывая въ подробности дѣянія этого собора, происходившаго подъ предсѣдательствомъ паписта Паисія, объясняя какъ поставленные по его благословенію, русскіе епископы получили свою власть не преемственно отъ апостольскаго рукоположенія, а отъ римскаго костела, и какъ поставленіемъ ихъ былъ прерванъ іерархическій союзъ русской церкви съ Восточною православною, г. Субботинъ самъ совершенно вѣрно и безпристрастно изобразилъ тогда дѣятельность этого „помѣстнаго московскаго собора“ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Всѣ лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ Никона,

съ негодованіемъ, писалъ самъ г. Субботинъ въ 1862 г., весь этотъ такъ называемыя власти, этотъ синклитъ и комнатные бояре, эти пришельцы далекаго востока" (подъ руководствомъ отлученнаго отъ церкви папежника) — „какую незавидную роль играли они въ дѣлѣ русскаго патріарха съ русскимъ царемъ! Едва можно найти между ними двухъ-трехъ человѣкъ, которые обнаружили въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ сколько нибудь безпристрастія, независимости и благородной смѣлости".

Слѣдовательно вотъ кто, эти такъ называемыя власти, этотъ соборъ 1667 г. подъ предсѣдательствомъ „лукаваго, отлученнаго отъ церкви папежника," представлявшій какое то нашествіе иноплеменниковъ на православную церковь, вотъ кто изрекъ хулы на нее, вотъ на комъ лежитъ по разъясненіямъ самого Субботина грѣхъ произведенной смуты въ лонѣ православной церкви.... А теперь, по прошествіи 18 лѣтъ, составляя свою офиціозную брошюру, тотъ же Субботинъ для вящаго обвиненія старообрядчества, такъ извращаетъ значеніе

этого собора, руководимаго пришлецомъ и „лукавымъ папежникомъ" Паисіемъ!

„Въ 1666 и 1667 г.г., говоритъ авторъ, составлены были соборы, одинъ изъ русскаго духовенства, другой подъ председательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ, изъ духовенства греческаго и русскаго. Здѣсь со всею обстоятельностью было изслѣдовано и рѣшено дѣло о главныхъ лицахъ, проповѣдывавшихъ неповиновеніе церкви по поводу произведенныхъ ею исправленій въ богослужебныхъ книгахъ и чинахъ и обвинившихъ ее за эти исправленія въ еретичествѣ. Всѣ они за исключеніемъ немногихъ, принесшихъ раскаяніе, и всѣ ихъ тогдашніе и будущіе единомышленники и послѣдователи преданы церковной анаѳемѣ и отлучены отъ церковнаго общенія какъ еретики и раскольники. Послѣ собора 1667 г., расколъ прежде самъ отдѣлившій себя отъ церкви, а теперь и церковью каноническимъ порядкомъ отлученный отъ единенія со вселенскимъ православіемъ, начинаетъ существовать, какъ самостоятельное отдѣльное отдѣльное отъ православной церкви общество (стр. 14-15).

Какому автору вѣрить: 1862 или 1881 годовъ? Развѣ церковь отвергла „съ великою клятвою" древне церковное православное двуперстно сложеніе для крестного знаменія, какъ армянское, якобы заключающее въ себѣ ереси аріеву и несторіеву, духоборцевъ и аполлинаріанъ? Такую противную христовой церкви хулу и клевету на древле церковное преданіе составили мудрецы міра сего: Паисій Лигаридъ и Семеонъ Полоцкій и помѣстили ее во главѣ 3 предѣла освященнаго собора (1) отъ имени двухъ восточныхъ патріарховъ подписали-бы, что угодно, безъ всякаго разсмотрѣнія. Вотъ кому не повиновались и не повинуются старообрядцы, и не страшатся этихъ въ высшей степени несправедливыхъ проклятій.

VII

Намъ остается разсмотрѣть еще одно существенное обвиненіе официозной брошюры, направленное противъ старообрядчества прі-

(1). См. Дѣян. Московскихъ Соборовъ 1666 и 1667 г.г. по изданію: „Братства Св. Петра Митрополита.

емлющаго бѣлокриницкое священство. Но наши личныя возраженія противъ этихъ обвиненій будутъ кратки; постараемся почерпнуть эти возраженія въ собственныхъ сочиненіяхъ автора писанныхъ имъ, по тому же предмету, но въ иное время и по указанію высшей церковной власти/.

„Такъ явилась нынѣ существующая у раскольниковъ, повѣствуетъ авторъ, пресловутая бѣлокриницкая іерархія, ведущая свое начало отъ Амвросія. Что же такое въ сущности эта іерархія и ея первоначальникъ или учредитель? Съ догматико-канонической, церковной точки зрѣнія она есть по существу своему тоже самое бѣгло - поповство, которымъ раскольники пробавлялись дотолѣ и учредитель ея есть такой же бѣглецъ и отступникъ своей вѣры и церкви, какимъ былъ каждый изъ прежнихъ раскольническихъ поповъ. Разница лишь въ томъ, что то были бѣглецы и отступники попы, а это бѣглецъ и отступникъ архіерей. И если бѣглые попы, перейдя въ расколъ не имѣли уже права на совершеніе священническихъ дѣйствій и всѣ такія дѣйствія ихъ лишены были внутренней силы и значенія также точно

и Амвросій съ отреченіемъ отъ грековосточной церкви и съ переходомъ въ расколъ, лишился права на совершеніе архіерейскихъ дѣйствій, и всѣ совершенныя имъ постановленія раскольническихъ архіереевъ и поповъ были недѣйствительныя лишены всякой внутренней, благодатной силы и потому всѣ нынѣшніе раскольническіе архіереи и попы, какъ и прежніе бѣгствовавшіе отъ великороссійской церкви, даже больше чѣмъ эти прежніе, все таки получившіе первоначальную хиротонію, - всѣ они такіе же міряне, какъ безпоповскіе <u>отцы и наставники</u> и подлежатъ еще большему, чѣмъ эти послѣдніе осужденію за то, что дерзаютъ изображать собою дѣйствительныхъ архіереевъ и священниковъ. Приведенное выше изреченіе изъ Номаканона прилагается къ нимъ во всей точности (т.е. что таковые архіереи и попы <u>горше бѣсовъ</u>). А съ нравственной и соціальной точки зрѣнія, бѣлокриницкая іерархія есть учрежденіе, основанное въ своемъ замыслѣ и исполненіи на лжи и обманѣ симоніи грубомъ съ одной стороны и на безчестномъ потворствѣ иностраннаго прави-

вительства этой лжи и обману въ антиправославныхъ и антирусскихъ интересахъ — съ другой: по цѣли же своей она есть учрежденіе, исключительно направленное ко вреду православной русской церкви и православнаго русскаго народа" (стр. 35-36).

Какъ больной, одержимый водобоязнью, страшится представляющихся ему призраковъ, такъ и нашъ сочинитель брошюръ пугается самъ, или вѣрнѣе пугаетъ другихъ, кого ему надлежитъ пугать — привидѣніемъ Бѣлокриницкой іерархіи. Впрочемъ, да и не убоятся читатели этихъ призраковъ, вызываемыхъ подслужничествомъ оффиціальнаго духовнаго писателя. Изъ предъидущаго изложенія они могли познакомиться, какъ легко мѣняетъ онъ, смотря по надобности и личнымъ расчетамъ, одежду хамелеона и подтасовываетъ факты, изображая одну и ту же картину въ различныхъ краскахъ и тонахъ, то ясныхъ и свѣтлыхъ, то мрачныхъ и черныхъ. Дѣло Московскаго освященнаго собора у насъ передъ глазами. Въ 1862 г. Н. Субботинъ, излагая съ возможнымъ историческимъ безпристрастіемъ дѣло Никона, изобразилъ намъ первоначальника и предсѣдателя собора знаменитаго Митрополита Пансія

Газскаго палестинскимъ выходцемъ, отступникомъ отъ православія, лукавымъ папежникомъ, низложеннымъ и отлученнымъ отъ іерусалимской православной церкви, поставляющимъ епископовъ, не по преемству апостольскому, а отъ римскаго костела. А черезъ какихъ нибудь 18 лѣтъ, тотъ же Субботинъ, преобразившійся въ офиціознаго сочинителя, повѣствуетъ о такомъ соборѣ, какъ о законномъ церковномъ учрежденіи и о рукоположеніяхъ Паисія какъ преемственно идущихъ отъ апостоловъ. Точно таковы же и воззрѣнія его на бѣлокриницкое священство, и какъ оно произошло...? Послѣдствій названнаго собора и его великоклятвенныхъ опредѣленій и постановленій дѣйствительно смутилась русская православная церковь, и многіе милліоны русскаго народа отпали отъ господствующей іерархіи и ушли въ старообрядческія общины. Но эти общины, волею неволею, скрѣпя сердце, должны были долгое время заимствовать своихъ священниковъ отъ этой же іерархіи или по выраженію официальнаго сочинителя: „пробавляться бѣглопоповствомъ". Но вотъ по счастью для нихъ одно изъ ближайшихъ лицъ къ покойному Государю Николаю Павловичу,

графъ Бенкендорфъ преподалъ старообрядцамъ добрый совѣтъ учредить особую независимую старообрядческую іерархію, которая бы избавила ихъ отъ необходимости брать тайкомъ священниковъ изъ православной русской церкви. Всѣ эти факты не нами выдуманы: всякій можетъ найти ихъ въ сочиненіи самаго же Н. Субботина(1). „Первоначальникъ" или „учредитель" бѣлокриницкой іерархіи, былъ митрополитъ Амвросій, который по собственному выраженію автора: „не былъ ни дурнымъ человѣкомъ, ни холоднымъ ни равнодушнымъ къ вѣрѣ и церкви", (стр. 32 и 35). И вотъ такой то добрый пастырь, который душу свою полагаетъ за овцы, является въ брошюрѣ того-же Субботина учредителемъ зловредной іерархіи, „направленной исключительно ко вреду православной русской церкви и православнаго русскаго народа." (стр. 35-36). Насколько справедливо такое заключеніе духовнаго писателя 1881 г.? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но въ иномъ смыслѣ, мы найдемъ въ извѣстномъ историческомъ изслѣдованіи того же Н. Субботина,

(1). Смот. эти и другія вѣрныя свѣдѣнія въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи Н. Субботина, томъ 1, стр. 59, 65, 67, 71, Москва 1874.

писанномъ лишь за 7 лѣтъ передъ симъ. Раскрываемъ 7 главу его „Исторіи Бѣлокрыницкой іерархіи", и читаемъ слѣдующія строки: „Положеніе

православного епископа въ Босніи, равно какъ въ другихъ славянскихъ областяхъ Турціи, было очень затруднительно, ему приходилось стать или на сторону турецкихъ правителей, изнурявшихъ народъ тяжкими поборами, всякаго рода притѣсненіями, и въ такомъ случаѣ сдѣлаться предметомъ народной ненависти, или на сторону угнетаемаго народа и через то возбудить противъ себя вражду турецкаго правительства. Присылаемые изъ Константинополя архіерей-фанаріоты легко выходили изъ этого затрудненія. Не имѣя ничего общаго съ иноплеменнымъ народомъ, кромѣ религіи, которою впрочемъ не слишкомъ дорожили, всегда поставляя на первомъ планѣ свои денежные расчеты, они обыкновенно становились на сторонѣ сильнаго, вступали въ союзъ съ пашами, заодно съ ними и съ зажиточнымъ классомъ горожанъ дѣлались притѣснителями бѣднаго измученнаго народа. Архіерей-фанаріоты были поэтому ненавистны

для народа не менее турецких пашей. Но Митрополит Амвросий явился исключением из боснийских владык-фанариотов. Человек от природы добрый, он не мог равнодушно смотреть на бедственное положение народа, стал на его сторону и по возможности старался облегчить его нужды. Это было таким необыкновенным явлением, так противоречило издавна сложившемуся народному понятию о греческих архиереях, что народ даже не признавал Амвросия за грека (хотя он был действительно природный грек): утвердился слух, что он природный славянин, а именно болгарин. Вот замечательные слова об Амвросии, занесенные в одну боснийскую летопись: „Этот владыка был святой человек, он много заботился о бедных. Он был родом болгарин, вовсе не был сребролюбив и радел только о том, чтобы народу было покойно, чтобы народ не терпел неправды.“(1) Были случаи про-

(1). Стаки Скендеровой Летопись Боснии (Зап. Имп. русск. географического общества кн. XIII, стр. 587). Вот подлинные слова летописи:

Тай владыка свети човек бо,

должаетъ Н. Субботинъ, когда Амвросій действительно, смело заявлялъ себя человекомъ, готовымъ стоять за интерессы народа, даже пренебрегая своей личной безопасностью. Такой случай былъ именно въ 1840 г., когда одинъ изъ наиболее уважаемыхъ сараевскихъ жителей, по имени Годжо, выведенный изъ терпенія несправедливыми притязаніями Мустафа-паши, управлявшаго въ Сараеве отъ имени боснійскаго визиря Веджидъ-паши решился поднять народъ противъ правительства. Замысливъ это дело, Годжо обратился къ Амвросію съ вопросомъ, на чью сторону намеренъ онъ стать; Амвросій отвечалъ: „за кого народъ, за того и владыка". Онъ действительно сталъ за народный интерессъ: пославъ въ Константинополь отъ своего имени и отъ имени народа жалобу на притесненія со стороны паши и на разныя его злоупотребленія. Жалоба

Сиротиню много е у гледа,
Тай е родомъ отъ бугара біо,
Сребра ніе немало лобіо,
Радъ би біо да е народъ миранъ
Да народу неима зулума.

принята въ увольненіе и въ томъ-же 1840г. въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, Веджидъ паша совершенно неожиданно для него, отозванъ изъ Босніи: на его мѣсто присланъ новый визирь Хозревъ-Паша. Но и Амвросій вскорѣ долженъ былъ тяжко поплатиться за противодѣйствіе жестокимъ и произвольнымъ распоряженіямъ пашей. Тотъ-же Мустафа-паша, и новымъ визиремъ оставленный управлять въ Сараевѣ, уговорилъ богатыхъ сараевскихъ купцовъ, которые за одно съ пашами грабили народъ, написать Константинопольскому Патріарху доносъ на Амвросія, что онъ „вовсе не такой человѣкъ, какой имъ надобенъ, что онъ мѣшается не въ хорошія дѣла, состоитъ въ заговорѣ съ Ходжей и сочинитъ клевету на Веджидъ-пашу." Если-бы въ то время патріархомъ былъ Григорій, рукоположитель Амвросія, по всей вѣроятности, онъ не оставилъ бы этого доноса безъ надлежащей повѣрки; но тогда уже на патріаршей каѳедрѣ не было ни Григорія, ни его пріемника Анѳима Никомидійскаго. Новый патріархъ Анѳимъ 2-ой

кизическій, помня участь предшественников, такъ быстро смѣнившихся, и стараясь по возможности упрочить свое положеніе, находилъ удобнѣйшимъ не противодѣйствовать желаніямъ турецкихъ властителей, когда они, выражая недовольство тѣмъ или другимъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ патріаршей области, искали ихъ смѣщенія. По опредѣленію патріарха отъ 12го Сентября 1840г. Митрополитъ Амвросій былъ отозванъ изъ Сараева въ Константинополь, и въ преемники ему на митрополію боснійскую назначенъ Игнатій, о которомъ именно ходатайствовалъ Хозревъ-паша и который оказался настоящимъ архіереемъ-фанаріотомъ, притеснителемъ бѣднаго народа(1).

(1) „Сказка-же о томъ, замѣчаетъ историкъ въ примѣчаніи, что будто-бы Амвросій, управляя митрополіей боснійской по ненасытной страсти къ сребролюбію всячески тѣснилъ и грабилъ свою паству", а одного богатаго христіанина своими „притѣсненіями

„Не зная за собою вины, за которую, дѣйствительно, подлежалъ бы лишенію каѳедры, Амвросій ѣхалъ въ Константинополь не безъ надежды, что его дѣло разъяснится и что в мѣсто босно-сараевской онъ получитъ, по крайней мѣрѣ другую епархію. Съ дороги изъ Браилова, онъ написалъ одному изъ константинопольскихъ друзей своихъ, чтобы, тотъ навѣдался въ патріархіи, что послужило причиною

и тиранствомъ" довелъ даже до того, что тотъ отрекшись отъ Христа, принялъ магометанство, каковое событіе и послужило будто-бы главнымъ поводомъ къ отозванію Амвросія изъ Босніи, соборному суду надъ нимъ и запрещенію священно-дѣйствія, - эта сказка, сочиненная апокрифическимъ Платономъ Аѳонауковымъ и пущенная въ ходъ черезъ обнародованіе въ печати, игуменомъ Парѳеномъ (см. кн. о промыслахъ стр. 21), который пріукрасилъ ее и собственными вымыслами (какъ напр. онъ увѣряетъ, что патріархъ не только запретилъ Амвросію священно-служеніе, но и приказалъ Святѣйшему Синоду своему судить его по правиламъ святыхъ отецъ, извергнуть изъ сана и сослать на вѣчное заточеніе: тамъ же стр. 59), а вслѣдъ за нимъ довѣрчиво повторенная и другими писателями, даже, къ удивленію г. Варадиновымъ, имѣвшимъ подъ руками такое множество материаловъ подостовѣрнѣе книги о промыслахъ (см. его исторію Мин. внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 180), очевидно не заслуживаетъ никакого довѣрія . . .

его отозванія съ босно-сараевской каѳедры и какія дальнѣйшія намѣренія на его счетъ имѣетъ вселенскій патріархъ. Посовѣтовавшись съ другими лицами, знавшими невинность Амвросія, этотъ другъ его нашелъ удобнѣйшимъ навести о немъ справки въ патріархіи черезъ посредство рускаго посланника въ Константинополѣ г. Титова, который, какъ представитель православного Императора, считался защитникомъ и покровителемъ православного духовенства и народа отъ притѣсненій мусульманскаго правительства; и потому самому пользовался большимъ уваженіемъ въ патріархіи, имѣлъ вліяніе на производившіяся тамъ дѣла. Руский посланникъ, по просьбѣ расположенныхъ къ Амвросію духовныхъ лицъ, дѣйствительно обращался къ патріарху Анѳиму за объясненіемъ о причинахъ его смѣщенія съ босно-сарайской епархіи, спрашивалъ не имѣется ли за Амвросіемъ какой нибудь вины противъ вѣры православной, или противъ церкви, или наконецъ противъ самой власти патріаршей. Патріархъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ за Амвросіемъ, а отозвалъ его съ босно-сараевской

каѳедры, только уступая настоятельному желанію турецкихъ правителей Босніи, отъ которыхъ введены на Амвросія многія клеветы, получивъ такія извѣстія, Амвросій пріѣхалъ въ Константинополь съ твердой надеждой, что получитъ назначеніе на первую упразднившуюся архіерейскую каѳедру. Но э/а надежда оказалась напрасною. Вскорѣ (именно 12 Іюня 1842 г.) патріархъ Анѳимъ скончался не оказавъ особенной заботливости о томъ, чтобы пристроить Амвросія. Преемники Анѳима: Германъ, Мелетій и Анѳимъ 3-й заботились о томъ еще меньше".

Такимъ образомъ митрополитъ Амвросій "поступилъ въ число безмѣстныхъ архіереевъ... ...и проживалъ въ Константинополѣ при оказываемыхъ ему ежемѣсячныхъ пособіяхъ изъ патріархіи"...

„Въ такомъ положеніи находился митрополитъ Амвросій, когда явились къ нему Павелъ и Алимпій съ предложеніемъ занять открываемую въ Бѣлой-Криницѣ съ разрѣшенія Австрійскаго правительства Архіерейскую каѳедру у буковинскихъ старообрядцевъ." (1)

И вотъ теперь по прошествіи только 7 лѣтъ, тотъ-же г. Субботинъ изображаетъ намъ того же доброго, честного пастыря, избавившего народъ отъ лихоимцевъ-фанаріотовъ, злѣйшимъ врагомъ православной церкви, бѣглымъ архіереемъ-отступникомъ, а учрежденную имъ ерархію вреднымъ для Россіи и православнаго народа учрежденіемъ. Насколько все старообрядчество, пріемлющее бѣло-криницкое священство и преимущественно это самое священство - являются въ исторіи зловреднѣйшими для Россіи и православной церкви учрежденіями, отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ тотъ-же, когда то правдивый историкъ Н. Субботинъ, но въ другомъ своемъ сочиненіи, въ которомъ принялъ старообрядцевъ подъ свой покровъ и защиту противъ своихъ же собратовъ по наукѣ, такимъ же, какимъ онъ самъ оказался въ 1881 г.

Приготовляясь къ составленію „Исторіи бѣлокриницкой ерархіи" г. Субботинъ предпосылалъ ей одно изъ своихъ лучшихъ сочиненій,

(1) Исторія Бѣло-Криницкой ерархіи, т. I. гл. 7, стр. 365 - 372.

въ которомъ съ достоинствомъ и безпристрастіемъ историка решительно отрицаетъ всякій поводъ къ подозренію старообрядчества въ соціальной или политической неблагонадежности со стороны своихъ собратій по службе и науке. Сочиненіе это называется такъ: Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Издан. въ 1867 г. Приведемъ изъ этой книги следующія места, содержащія въ себе такую апологію старообрядчества, которая врядъ ли когда либо появлялась въ русской печати, и после которой всякія возраженія на офиціозную брошюру 1881 г. были-бы излишни.

„Между существующими у насъ разными воззреніями на расколъ, писалъ г. Субботинъ въ 1867 г., есть и два следующія совершенно противоположныя: Одни видятъ въ расколе явленіе чисто религіозное, вызванное къ существованію и доселе существующее интересами исключительно религіозными; другіе, напротивъ, придаютъ ему исключительно политическій характеръ, считаютъ расколъ

порожденіемъ крайняго недовольства, вызваннаго злоупотребленіями правительства въ отношеніи къ народу, видятъ въ немъ и въ настоящее время не иное что, какъ оппозицію народа существующимъ въ Россіи порядкамъ гражданскаго и общественнаго устройства, оппозицію только прикрытую характеромъ религіозности, такъ что эта религіозность не имѣетъ почти никакого значенія въ отношеніи къ существу и внутреннему смыслу раскола.

„Если перваго изъ этихъ мнѣній нельзя признать совершенно правильнымъ, то въ послѣднемъ правды еще меньше. Если невозможно отрицать, что строгія мѣры противъ раскольниковъ вызывали въ средѣ ихъ громкій ропотъ на правительство и довели ихъ даже до открытыхъ возстаній противъ законной власти, то съ другой стороны не трудно и всѣ знать даже явленіяхъ примѣтить основы чисто религіозныя, ропотъ и самыя возстанія были вызываемы не гражданскими стѣсненіями, въ перенесеніи которыхъ старообрядцы могутъ показать не меньше терпѣливости, какъ

и весь русский народъ, а именно стѣсненіемъ ихъ религіозной свободы, искренніе старообрядцы, когда и возставали противъ правительства, возставали во имя религіи на защиту своей „старой вѣры." Въ предержащей власти, согласно ученію священнаго писанія и завѣту предковъ, чтятъ они власть, поставленную Богомъ и подчиняются ей во всемъ, чѣмъ только, по ихъ мнѣнію, не повреждаются вѣра и благочестіе, они считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ. Это съ увѣренностью можно сказать по крайней мѣрѣ о той значительнѣйшей половинѣ старообрядчества, которая пріемлетъ священство и которой мы по преимуществу усвояемъ это названіе (старообрядчества).

И однако-жъ мнѣнія, что расколъ (говоря словами одного ученаго изслѣдователя), имѣетъ характеръ соціально-политико-демократическій(1) охотно держатся еще немногіе

(1) Подобными хитросплетенными терминами усѣяны многія страницы огромнаго сочиненія А. Щапова - Русскій расколъ старообрядства, Казань 1859г. (стр. 55, 91, 104, 105, 10[illegible], [illegible], 1[illegible], 2[illegible]7, 216, 219, 264, 281, 338.)

и именно тѣ, которымъ желательно, чтобы расколъ отличался такимъ характеромъ, чего желаемъ, тому вѣрится легко. Притомъ же исторія представляетъ довольно событій, которыя очень удобно объяснить въ пользу такого мнѣнія. Соловецкая осада, стрѣлецкій мятежъ, бунты Разина и Пугачева, въ которыхъ раскольники принимали больше или меньше близкое участіе, все это повидимому не доказываетъ ли дѣйствительнаго присутствія въ расколѣ революціонныхъ антиправительственныхъ началъ? Какія собственно побужденія вызвали первоначально, напрversion Соловецкій мятежъ, или какая доля участія принадлежала расколу въ бунтахъ Разина и Пугачева? На подобные вопросы не обращаютъ вниманія люди, желающіе видѣть въ расколѣ явленіе, вызванное исключительно враждою противъ правительства. Минуя эти вопросы, они выводятъ изъ указанныхъ событій общее заключеніе, что и всѣ дѣйствія раскольниковъ, хотя бы очевидно религіозныя, имѣютъ тотъ-же антиправительственный характеръ, только прикрытый рели-

гіозностью. И такимъ образомъ сходными, повсюду ищущими антиправительственныхъ, революціонныхъ элементовъ, принимается за несомнѣнное, что расколъ есть явленіе національно-демократическое, что онъ крайне враждебно относится къ правительству и всегда, по первому призыву, готовъ возстать противъ установленной власти (стр. 5, 6, 7). Доказавъ неосновательность такихъ и т. п. мнѣній о старообрядчествѣ, авторъ въ заключеніе своей книги говоритъ: Вѣра въ Царя, какъ помазанника Божія, есть самая глубокая, основная стихія русскаго народнаго чувства и не потому она присуща старообрядцу, что онъ старообрядецъ, но потому что онъ русскій и по вѣрѣ (несмотря на ея отличіе отъ православія), и по чувству. И если справедлива та мысль, что въ старообрядчествѣ лучше и полнѣе сохранились основныя начала русской народной жизни, нежели въ нѣкоторыхъ слояхъ даже православнаго русскаго общества, то не трудно понять, какъ напрасны опасенія нѣкоторыхъ

подозрѣвающихъ въ старообрядчествѣ антирусскія революціонныя стремленія.

„Представленное нами обозрѣніе взаимныхъ отношеній между старообрядцами и разными враждебными Россіи партіями можетъ служить доказательствомъ этого. Если нѣкоторыя отдѣльныя личности изъ старообрядцевъ и дѣлали попытку войти съ ними въ сношенія, то, не говоря уже объ особыхъ обстоятельствахъ, къ тому располагавшихъ, всѣ они дѣйствовали, не имѣя надлежащаго понятія объ этихъ партіяхъ и обществахъ, и сами же на собственномъ примѣрѣ ясно показали всю невозможность союза съ ними, какъ скоро уяснили себѣ ихъ истинный характеръ. Слѣды дѣйствительныхъ связей съ антирусскими партіями видѣли мы у заграничныхъ старообрядцевъ. Но это явленіе, понятное тамъ, гдѣ самый долгъ велитъ повиноваться не русскимъ правительствамъ, гдѣ связи съ Россіей уже порваны самымъ бѣгствомъ изъ нея, гдѣ наконецъ недовольства противъ русскаго правительства имѣетъ, такъ сказать, традиціонный и

наслѣдственный характеръ. Однако же здѣсь, не видимъ-ли мы, какимъ еще живымъ ключемъ бьетъ въ старообрядцахъ русское національное чувство, и какъ живо въ нихъ стремленіе стать подъ защиту законнаго русскаго царя? Если эти чувства не находили себѣ простора, смѣняясь инымъ настроеніемъ, то одни ли старообрядцы виноваты въ этомъ? Припомнимъ, какъ мы сами обращались съ ними и напротивъ, какими знаками вниманія и предупредительности осыпали ихъ въ тоже время высшіе представители нѣкоторыхъ правительствъ и руководители нѣкоторыхъ партій, стоявшихъ въ открытой враждѣ къ Россіи. Вообще отношенія такого рода правительствъ и партій къ русскому старообрядчеству, которыя мы старались прослѣдить, насколько имѣли къ тому возможность, представляютъ очень интересное для насъ явленіе." (Стр. 177, 178).

Такую сильную и вполнѣ справедливую защиту только и могли ожидать старообрядцы отъ „правдиваго историка

и вообще, когда то безпристрастнаго писателя, который, защищая совершенно старообрядческое дѣло, не пощадилъ даже близкихъ собратовъ своихъ по наукѣ, строго осудивъ несправедливое ихъ воззрѣніе на старообрядчество, будто оно имѣетъ исключительно политическій характеръ, — будто оно представляетъ оппозицію существующему въ Россіи порядку и общественному устройству, оппозицію только прикрытую характеромъ религіозности."

Послѣ такой блестящей, правдивой апологіи старообрядчеству, писанной рукою его теперешняго противника, много лѣтъ занимающаго каѳедру въ Духовной Академіи, намъ остается только поставить точку и бросить перо.

Но одно сомнѣніе тревожитъ душу, и мы не можемъ не высказать его здѣсь когда то правдивому историку старообрядчества, а теперь совратившемуся изъ-за мірскихъ расчетовъ на путь офиціозной лжи и недостойной клеветы. Когда больше вредилъ Г. Субботинъ —

православной церкви, православному народу и православному государству? Въ тѣ ли годы своей профессорской дѣятельности, когда развращалъ юношество, ввѣренное его духовному вліянію распространеніемъ своей апологіи старообрядцевъ, какъ истинныхъ сыновъ Россіи и вѣрноподданныхъ Державнаго Царя, не по своей винѣ отступившихъ отъ господствующаго духовенства, или теперь, когда облачившись въ ризу офиціознаго сочинителя чиновника, онъ изрекаетъ брань и клевету на милліоны русскихъ людей, сокрывая истину отъ тѣхъ, кому ее прежде всего надлежало-бы вѣдать, и попирая ногами великія и благодатныя начала свободы вѣры и церкви? Правдиваго отвѣта на этотъ вопросъ не услыхать намъ отъ сочинителя офиціозной брошюры: о сущности и значеніи раскола въ Россіи.